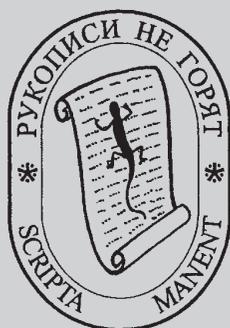

Научно-образовательный форум
по международным отношениям

И.А. Зевелёв, М.А. Троицкий

**СИЛА И ВЛИЯНИЕ
В АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ
СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Очерки
текущей политики
Выпуск 2

Научно-образовательный форум
по международным отношениям

И.А. Зевелёв, М.А. Троицкий

**СИЛА И ВЛИЯНИЕ
В АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ
СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Очерки
текущей политики
Выпуск 2

Москва
2006

Academic Educational Forum
on International Relations

Igor Zevelev, Mikhail Troitskiy

**POWER AND INFLUENCE
IN U.S.-RUSSIAN RELATIONS**
A SEMIOTIC ANALYSIS

Essays
on Current Politics
Issue 2

Moscow
2006

Научно-образовательный форум
по международным отношениям

И.А. Зевелёв, М.А. Троицкий

**СИЛА И ВЛИЯНИЕ
В АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ
СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Очерки
текущей политики
Выпуск 2

Москва
2006

ББК 66.0

Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях: семиотический анализ. Очерки текущей политики. Выпуск 2. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2006. 72 с.

ISBN 5-901981-17-0

Редакционная коллегия

д.пол.н. А.Д. Богатуров, к.пол.н. Т.Д. Жданова, к.и.н. Н.А. Косолапов,
д.и.н. В.А. Кременюк, д.пол.н. И.Г. Тюлин, д.ф.н. П.А. Цыганков

Авторы научного доклада применяют категориально-теоретический и методологический аппарат семиотики к анализу американо-российских отношений 1991–2006 годов. В докладе оценивается результативность попыток администрации США изменять систему российских кодов восприятия мировой политики при помощи «мягкого» влияния и традиционной силы после распада биполярности. Теоретические гипотезы проверяются авторами на примерах взаимодействия России и США в сфере международной безопасности, а также отношений между двумя государствами на постсоветском пространстве в 2001–2006 годах.

Издание адресовано специалистам по американо-российским отношениям, а также широкому кругу читателей, интересующихся современными международными проблемами.

Издание осуществлено при поддержке Фонда Макартуров

ISBN 5-901981-17-0

© Зевелёв И.А., Троицкий М.А., 2006

© НОФМО, 2006

© НОФМО, верстка, 2006

© Дудин С.И., эмблема, 1997

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
«Мягкое» влияние и «жесткая» сила	9
Семиотическая методология исследования внешней политики	11
Методы оценки изменений во внешней политике	17
Эволюция внешней политики России: масштаб изменений	20
Как американские концепции и действия интерпретируются Россией?	
Семиотика американско-российского взаимодействия	29
Конкуренция и сотрудничество на постсоветском пространстве	48
Заключение	60
Краткая библиография	63
Сведения об авторах	68
Contents	69
Summary	70

Введение

Середина 2000-х годов стала временем быстрых перемен в российско-американских отношениях. Рост материальной базы российской внешней политики на волне доходов от экспорта энергоресурсов сопровождался видимым изменением внешнеполитической риторики и практических подходов руководства России к отношениям с США. «Теперь уж нас точно никто не сможет заставить делать то, что мы не хотим, или обслуживать чужие интересы» – таково ощущение, ставшее одним из главных психологических последствий увеличения российской ресурсной базы для внешнеполитической деятельности России. Данный подход ярко проявился в отношениях России с Соединенными Штатами по широкому кругу проблем – от нераспространения ядерного оружия и разрешения конфликтов на Кавказе и в Центральной Азии до повестки дня «энергетической безопасности».

Со своей стороны, с конца 2003 года Вашингтон предпринял активные действия по изменению внутривнутриполитического статус-кво и внешнеполитической ориентации стран в примыкающих к России регионах. В Москве эти изменения были однозначно восприняты как наносящие ущерб российским интересам и потому крайне нежелательные. Одновременно администрация Дж. Буша-младшего стала жестче критиковать Россию за нарушение демократических прав и процедур. К этой традиционной для российско-американских отношений теме добавилась критика энергоресурсной политики России, стремившейся, по мнению американской стороны, превратить «сугубо экономические вопросы» в инструмент силового воздействия на другие государства.

Как представляется, путь к усилению противоречий в условиях возросших ресурсов России и новой идеологизации внешней политики США вовсе не являлся predetermined. Даже в мире, где происходит жесткая борьба за ресурсы, есть место сотрудничеству, если стороны не имеют причин для острой вражды и психологических препятствий доверительному взаимодействию. Альтернативой очерченному выше подходу усилившейся России могли бы стать условные «британский» или «канадский» способы позиционирования в отношении единственной сверхдержавы. Неожиданно получив в свое распоряжение новые ресурсы, британцы могли бы решить: «Теперь мы сможем увеличить наш вклад в достижение общих с американцами целей и будем претендовать на большую долю в достижениях». В свою очередь, канадцы в такой ситуации могли бы подумать: «Канада станет интенсивнее рабо-

тать над достижением особых целей, которые многие наши партнеры признают полезными, но не готовы выделить достаточно средств на их достижение». При наличии подобных, пусть даже теоретических альтернатив, какие причины обусловили новый виток противоречий между США и Россией в изменившейся среде их двусторонних отношений?

Цель настоящей работы заключается в попытке ответить на данный вопрос через анализ взаимосвязи между «объективными факторами», обусловившими расхождение интересов двух стран в постбиполярном мире, и проблемами взаимовосприятия российских и американских политических элит и широких кругов общест­венности. Для этого авторы прибегли к синтезу трех составляющих. *Во-первых*, «осевым» теоретическим конструктом является концепция Джозефа Наея, разграничивающая «жесткую» силу (*hard power*) и «мягкое» влияние (*soft power*) в международных отношениях и развивающая понятие «мягкого» влияния как характеристики взаимодействия двух или более государств¹. *Во-вторых*, подход авторов работы к анализу прикладных аспектов внешней политики субъектов международных отношений основан на методологии семиотики – дисциплины, изучающей коммуникацию между субъектами как обмен набором символов, имеющих определенное значение для каждого из участников взаимодействия. *В-третьих*, данный теоретический аппарат был использован авторами для изучения закономерностей российско-американских отношений с начала 1990-х годов по настоящее время.

На наш взгляд, семиотическая методология в приложении к исследованию внешней политики государств способна обогатить концепцию «мягкого» влияния, выдвинутую Джозефом Наем в 1990 году и развитую впоследствии как самим Наем, так и другими авторами. Изучение того, каким образом деятельность одного государства изменяет (или не изменяет) систему кодов восприятия реальности, поддерживаемую другим государством, дает возможность уточнить содержание понятия «мягкое» влияние, конкретизировать его смысл. Именно «размытость» этого понятия традиционно была главным упреком, адресованным Дж. Наею критиками его концепции. Авторы настоящей работы предлагают считать перемену кодов интерпретации реальности, присущую государству А, под прямым или косвенным (но целенаправленным) воздействием государства Б применением «мягкого» влия-

¹Авторы данной работы предлагают использовать в качестве русского аналога «*soft power*» термин «мягкое влияние» (иногда просто – «влияние»), а в качестве аналога «*hard power*» – «жесткая (традиционная) сила», или просто – «сила».

ния государства А к государству Б. В «прикладной» части нашей работы государством А выступают Соединенные Штаты Америки, а государством Б – Россия. Используя семиотическую методологию, мы анализируем российские и американские коды интерпретации реальности и их эволюцию на протяжении 1990-х – начала 2000-х годов. Такое рассмотрение позволяет выявить степень изменения российских кодов под воздействием США и тем самым оценить результативность применения американского «мягкого» влияния в отношении России.

Анализируя взаимодействие двух стран, мы исходим из того, что главной целью политики США в отношении России являлось выгодное США изменение российской политики в значимых для США сферах. Вашингтон стремился вызвать эти изменения, используя как «мягкие», так и традиционные, «жесткие» компоненты своего влияния. Если применение «мягкого» влияния США в отношении России концептуализируется нами как воздействие на российскую систему интерпретационных кодов через передачу определенных «идейных» импульсов, то традиционная («жесткая») сила Соединенных Штатов проявляется в их политических акциях (зачастую предпринимавшихся в одностороннем порядке) – как направленных на Россию, так и не имевших непосредственной целью воздействие на российскую политику, но неизменно затрагивавших российские интересы. Исходя из разделения американской политики в отношении России на данные две составляющие, мы сравниваем степень влияния, которое США оказали на Россию посредством «мягкого» влияния, с результатами применения американской «жесткой» силы. В заключительной части работы анализируется зависимость продуктивности «мягкого» воздействия на Россию со стороны США от масштаба применения Вашингтонском инструментом традиционной силы в отношениях с Москвой.

«Мягкое» влияние и «жесткая» сила

Американский ученый Роберт Даль предложил концептуализировать силу и влияние не в качестве свойств, присущих каждому индивидуальному субъекту и основанных на объеме ресурсов, находящихся в распоряжении этого субъекта, а как способность субъекта А добиться от субъекта Б действий, которые он не совершил бы без воздействия со стороны А. Сила, таким образом, рассматривается как свойство отношения между субъектами, а не каждого из субъектов в отдельности. Иными словами, сила государства зависит не от того, чем оно обладает, а от того, какие действия оно может заставить совершить другие государства². Следующий шаг в разработке данного понятия «относительной силы» сделал Джозеф Най, предложивший понимать под силой государства его способность достигать желаемых результатов и при необходимости изменять поведение других государств, чтобы сделать желаемый результат возможным³.

Самым важным для целей настоящей работы теоретическим нововведением Дж. Наия стал выдвинутый им в 1990 году термин «мягкое» влияние (*soft power*). Най противопоставил «мягкое» влияние традиционной, или «жесткой» силе (*hard power*). Если «жесткая» сила находит свое воплощение в принуждении («кнут») или подкупе («пряник»), посредством которых субъект А добивается нужного ему поведения субъекта Б, то «мягкое» влияние реализуется через формирование у субъекта Б желаний и предпочтений, нужных субъекту А. Когда «почва подготовлена», применение «мягкого» влияния сводится к призыву со стороны субъекта А «следовать» за лидером. В ряде случаев субъект А может получить желаемый результат даже без целенаправленных действий с собственной стороны, поскольку субъект Б может действовать по сформированной субъектом А заранее программе. По выражению автора концепции «мягкого» влияния, она позволяет «добиваться того, чтобы другие сами захотели тех результатов (*outcomes*), которые выгодны вам»⁴.

Обсуждая ресурсное обеспечение «мягкого» влияния, Дж. Най указывал: «Стараясь добиться сотрудничества посредством

² *Robert Dahl. The Concept of Power // Behavioral Science. 1957. No 2. P. 201–215.*

³ *Joseph S. Nye, Jr. The Paradox of American Power. Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. New York: Oxford University Press, 2002. P. 8–12.*

⁴ *Joseph S. Nye, Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004. P. 5.*

“мягкого” влияния, нужно обладать иным (по сравнению с “жесткой” силой) типом ресурсов (не мощью и не деньгами) – приверженностью объекта воздействия одинаковым с субъектом воздействия ценностям и пониманием объектом необходимости реализации этих ценностей на практике»⁵. Говоря более конкретно, Най включил в ресурсную базу «мягкого» влияния три компонента: «культуру (там, где она привлекательна для объектов влияния), политические ценности (если субъект влияния сам последовательно их придерживается) и внешнюю политику (когда другие государства рассматривают ее в качестве легитимной и морально оправданной)»⁶.

⁵ Ibid. P. 7.

⁶ Ibid. P. 11.

Семиотическая методология исследования внешней политики

Профессор Уппсальского университета Уолтер Карлснаэс разработал динамическую модель внешнеполитической деятельности государств, которая описывает целеполагание государств, их предрасположенность к определенным действиям и структурный аспект принятия внешнеполитических решений⁷. Эта модель оказала большое влияние на теорию внешней политики. Карлснаэс утверждал, что конкретные действия государств на международной арене изменяют изначальные структурные рамки и «внешнеполитическую предрасположенность» самих этих стран, что, в свою очередь, трансформирует процесс их целеполагания. Данный процесс (уже в измененном виде) порождает новое внешнеполитическое действие, а значит – новые перемены в структурах и предрасположенностях.

Модель Карлснаэса дала многообещающую возможность взглянуть под новым углом зрения на проблему взаимодействия агента и структуры в анализе внешней политики. Она также помогла лучше понять, почему внешняя политика государства может изменяться. Тем не менее эта модель не включает в явном виде воздействие внешней политики других государств на международное поведение изучаемой страны. Данная лакуна отражает влияние весьма сильной традиции в теории международных отношений, в рамках которой структурные факторы рассматриваются как «объективные» и, соответственно, недооценивается эвристическая ценность взгляда на них как на *результат взаимодействия* между субъектами.

Существующие теории международных отношений, будь то дискуссии между конструктивистами о проблеме агента и структуры или школы изучения идентичности, не дают достаточно эффективных инструментов, позволяющих анализировать особенности взаимодействия различных международных субъектов или влияние этих взаимодействий на представления субъектов о себе и мире. Мы не знаем, каким образом коллективная государственная идентичность и вытекающая из нее внешняя политика адаптируются к постоянно меняющейся внешней среде.

В данной работе предлагается применить к исследованию внешней политики методы из области семиотики. В своем «Эссе о природе человеческого понимания» классик социальной истории

⁷ *Walter Carlснаэs. The Agency-Structure Problem in Foreign Policy Analysis // International Studies Quarterly. September 1992. Vol. 36. No 3. P. 245–270.*

Джон Локк утверждал, что в науке можно выделить три раздела: «физику», «практику» и «семиотику», или дисциплину, изучающую знаки. В XX веке семиотика как наука развивалась в рамках таких дисциплин, как логика, математика и лингвистика. Ее методы были заимствованы философами, социологами, антропологами и литературными критиками. Семиотика международных отношений является многообещающим полем, которое ждет бурное развитие. К впечатляющим успехам может привести рассмотрение международных отношений в качестве системы знаков, а внешней политики – в качестве деятельности, присваивающей этим знакам определенное значение⁸. В задачи этой работы не входит разработка семиотики международных отношений как полноправной научной дисциплины. Тем не менее мы делаем попытку применить семиотические методы на одном из логических «этапов» изучения современного российско-американского взаимодействия.

Особый интерес для данного исследования представляет тот раздел семиотики, в рамках которого изучаются процессы кодирования и декодирования. Современные специалисты по семиотике утверждают, что чтение текста аналогично его сопоставлению с соответствующими «кодами», и рассматривают общение как процесс, включающий «кодирование» и «раскодирование». Русско-американский ученый Роман Якобсон был одним из первых ученых, предложивших модель коммуникации, которая выходила за рамки простой передачи словесной информации. Он указал на важность кодов и социального контекста коммуникации⁹. Итальянский философ Умберто Эко сделал следующий шаг, предположив, что субъекты, участвующие в коммуникации, могут использовать различные коды при кодировании и раскодировании словесных сообщений¹⁰.

⁸ Следует признать, что в теории международных отношений уже делались подобные попытки исследования знаков. См., например: Friedrich Kratochwil. *Rules, Norms, and Decisions: On the Conditions of Practical and Legal Reasoning in International Relations and Domestic Affairs*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989; David Campbell. *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1992; R.B.J. Walker. *Inside/Outside: International Relations as Political Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993; Cynthia Weber. *Simulating Sovereignty: Intervention, the State, and Symbolic Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. Вместе с тем использование семиотики позволяет поместить эти сюжеты в более широкий контекст «общения» между государствами и внутри них.

⁹ См.: *Roman Jakobson. Closing Statement: Linguistics and Poetics* / Thomas Sebeck (ed.). *Style and Language*. Cambridge, MA: MIT Press, 1960.

¹⁰ См.: *Umberto Eco. A Theory of Semiotics*. Bloomington: Indiana University Press, 1976, и другие его работы.

Позднее британский филолог Стюарт Холл указал на то, что ключевая роль в общении принадлежит «кодировщику» и «раскодировщику»¹¹. Специалисты по семиотике, включая известного советского ученого Ю.М. Лотмана, разработали идею о неполном соответствии друг другу говорящего и слушающего субъектов. Данная мысль в применении к сфере международных отношений может означать критические различия между международными субъектами, которые «общаются», но не всегда полностью «понимают» друг друга ввиду различий в их интерпретационных кодах.

Британский теоретик-культуролог С. Холл предположил, что существуют три возможных интерпретационных кода, связанных с позицией читателя или слушателя. Первый он назвал «доминирующим» или «навязанным» прочтением: получатель послания использует тот же код, что заложен в тексте. Вторая позиция – «договорное» прочтение: читатель частично разделяет код текста и принимает его, однако при этом иногда «сопротивляется» ему и меняет его таким образом, который в наибольшей степени соответствует позиции читателя, его опыту и интересам. Третий способ прочтения называется «сопротивляющимся» или «контрегегемоническим». Он описывает ситуацию, в которой читатель, чье социальное положение противопоставляет его доминирующему коду, отвергает этот код и использует альтернативный способ «расшифровки». Модель Холла была подвергнута критике, однако наложила существенный отпечаток на развитие семиотики.

Привнесение в анализ международных отношений методов семиотики дает возможность избежать типичного, но вместе с тем фундаментального заблуждения, свойственного традиционным исследованиям, а именно ошибочного представления о том, что все субъекты на международной арене пользуются в общении между собой одинаковыми понятийными рядами и делают одни и те же выводы из одинаковой информации. Сами же субъекты могут предполагать, что их концепции и действия воспринимаются именно в том смысле, который в них изначально вкладывается. Два субъекта могут использовать одни и те же коды, и тогда их взаимопонимание будет полным. Однако это не гарантирует согласия между ними. Типичный пример – взаимодействие США с их ближайшими европейскими союзниками. Они находятся в практически едином весьма насыщенном семиотическом пространстве, которое к тому

¹¹ См.: *Stuart Hall. Encoding/Decoding // Culture, Media, Language: Working Papers in Cultural Studies, 1972-1979.* London: Hutchinson, 1980. P. 136. Можно также рекомендовать качественное исследование эволюции семиотики, проведенное Дэниелем Чандлером (<http://www.aber.ac.uk/media/Documents/S4B/sem08c.html>).

же сцементировано общими институтами. Поэтому любой словесный импульс или внешнеполитическое действие прочитывается в одной и той же системе кодов. В такой ситуации противоречия вполне возможны, однако непонимания практически не случается.

Взаимодействие США с Россией, равно как и с Китаем и рядом других субъектов, происходит в менее «плотном» семиотическом пространстве. Часть российских кодов совпадает с теми, которыми пользуются США и другие страны Запада, однако другая часть от них отличается. Кодовые нестыковки порождаются различиями в пути развития, исторической памяти, ценностями и нормами, присущими носителям кодов. В результате импульс, посылаемый Соединенными Штатами в виде внешнеполитической концепции либо акции, интерпретируется при помощи системы координат, отличной от американской. Американское послание иногда прочитывается в России совсем не так, как этого хотели бы американские политики.

Применяя идеи «кодирования» и «раскодирования» к процессу межгосударственной коммуникации, мы будем исходить из следующих предпосылок. *Во-первых*, коллективная идентичность государства может рассматриваться в качестве набора кодов, которые государство постоянно использует для интерпретации мира и своей в нем роли. Каждое государство поддерживает собственную систему кодов, которая пополняется за счет заимствования (иногда насильственного) кодов из внешнего окружения. В процессе международной коммуникации государства разговаривают не только друг с другом, но и с самими собой. Как внешнеполитические тексты, так и действия государство адресует себе в той же степени, что и другим. Внешняя политика, таким образом, является процессом постоянных изменений в собственной идентичности государства на международной арене. В то же время внутренний процесс формирования идентичности государства напрямую влияет на то, как оно взаимодействует с другими субъектами.

Во-вторых, сигналы, приходящие от какого-либо государства, проходят через «раскодирующий механизм» другого государства; при этом восприятие политики государства, посылающего импульс, расходится со смыслом посланного сигнала. Чтобы достичь приемлемого понимания процессов, протекающих на международной арене, необходимо анализировать данные расхождения в той же степени, что и совпадающие элементы кодов.

В-третьих, взаимодействие между государством-источником («автором») импульса и государством-реципиентом («читателем») включает попытку источника «навязать» свой код реципиенту. Автор, таким образом, пытается «изменить» читателя. Если послед-

ний занимает «контргегемоническую» или «договорную» позицию, то он старается оказать сопротивление и, в свою очередь, изменить автора импульса посредством «контрнаступления».

Наконец, «осевая часть» коллективной идентичности государства, сформированная текстами для «внутреннего потребления», может быть недостаточно гибкой, чтобы приспосабливаться к новым вызовам извне. Внешние компоненты идентичности подвергаются давлению и испытывают напряжение, вызванные различиями между динамично меняющейся внешней средой и жесткой структурой внутренних компонентов идентичности. Внешние компоненты легче адаптируются к изменениям и стимулируют перемены в «осевой» внутренней части идентичности.

Еще один аспект предлагаемого в данной работе понимания того, каким образом понятийный аппарат и методология семиотики могут быть применены к изучению международного взаимодействия, дает возможность продуктивного подключения к исследованию концепции «мягкого» влияния. Последнее может проецироваться в форме «навязывания» государством – источником импульса определенных кодов государству-реципиенту.

Дж. Най фактически разделял мнение о том, что в международном общении существует проблема нестыковки кодов источника и реципиента. Он уточнил в своей работе понятие «мягкого» влияния: «...вся информация проходит через “культурные фильтры”, так что сделанные заявления редко воспринимаются в том смысле, который вкладывал в них автор»¹². Именно в решении этой проблемы Най усматривал одно из главных назначений «мягкого» влияния: «...поскольку “мягкое” влияние по определению является средством индуцировать у других субъектов желания, сходные с вашими, ее применение требует понимания того, каким образом эти субъекты воспринимают ваши послания, и соответствующей “тонкой настройки” самих посланий»¹³. Послания, очевидно, должны быть настроены таким образом, чтобы подтолкнуть реципиента к принятию соответствующего кода и последующему прочтению посланий в «авторском смысле». В подобной настройке посланий и заключается попытка источника применить «мягкое» влияние к реципиенту.

Американская внешнеполитическая практика позволяет выделить ряд компонентов, которые мы предлагаем рассматривать в качестве проявлений «мягкого» влияния США через воздействие

¹² Joseph S. Nye, Jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. P. 111.

¹³ *Ibid.*

на российскую систему интерпретационных кодов. К таким компонентам, рассматриваемым в рамках настоящей работы, можно причислить распространение Вашингтоном идей демократизации, рыночного реформирования экономик государств Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР, соблюдения прав человека, «геополитического плюрализма» на постсоветском пространстве, а также американских подходов к нераспространению оружия массового уничтожения и борьбе с терроризмом. «Жесткая» сила США во взаимодействии с Россией воплощалась в таких внешнеполитических акциях (направленных непосредственно на Россию или предпринимавшихся безотносительно российского направления внешней политики Вашингтона), как расширение блока НАТО, выход США из Договора об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО 1972 года), развертывание американского военного присутствия в Центральной Азии, проведение военной операции против Ирака в 2003 году, активная поддержка соседних с Россией государств, объявивших о своем несогласии с политикой России (по состоянию на 2006 год – Украина, Грузия, Молдова) и т.д. В заключительной «прикладной» части этой работы читателям предлагается наша интерпретация процесса и результатов воздействия США на Россию в 1991–2006 годы при помощи как «жесткой» силы, так и «мягкого» влияния.

Методы оценки изменений во внешней политике

Оценка результативности американского влияния на Россию требует определения подходов к исследованию изменений внутренней и внешней политики России, а также методов оценки масштаба этих изменений.

Американский ученый Чарлз Херманн предложил выделять как минимум четыре уровня, или степени изменения внешней политики государства. Данные уровни включают адаптивные изменения, программные изменения, изменения целей и изменения международной ориентации¹⁴. Данная классификация позволяет «измерить» величину перемен во внешней политике государства, хотя следует признать, что понятие «изменения международной ориентации» в трактовке Херманна осталось малоконкретным и с трудом поддающимся измерению¹⁵. Каким образом можно определить, являемся ли мы свидетелями полного пересмотра внешнеполитического курса государства – «внешнеполитической революции» – или просто адаптивного изменения внешней политики? Мы утверждаем, что методы, основанные на изучении трансформации государственной идентичности, могут с успехом применяться для описания и измерения наиболее фундаментальных перемен во внешней политике государства. Другими словами, изменение коллективной идентичности государства или хотя бы ее внешних аспектов можно считать свидетельством наиболее глубокой трансформации внешней политики государства, что представляет собой «внешнеполитическую революцию».

Перед тем как исследовать роль американской силы в трансформации российской внешней политики, важно рассмотреть динамику эволюции внешних аспектов идентичности России. Если будет установлено, что США оказывают влияние на Россию на этом уровне, то можно будет утверждать, что американские импульсы имеют решающий характер для внешней политики России.

¹⁴ *Charles Hermann*. Changing Course: When Governments Choose to Redirect Foreign Policy // *International Studies Quarterly*. March 1990. Vol. 34. No 1. P. 3–21.

¹⁵ К примеру, анализируя уход США из Вьетнама, Херманн признавал, что «существуют трудности с определением того, произошло ли в этом случае наиболее фундаментальное изменение внешней политики – перемена международной ориентации» См.: *Charles Hermann*. Changing Course: When Governments Choose to Redirect Foreign Policy // *International Studies Quarterly*. March 1990. Vol. 34. No 1. P. 6.

Понятие динамично меняющейся идентичности уходит корнями в наследие Ницше и Гегеля. Оно разрабатывалось в первую очередь в рамках теории идентичности индивидуума. Теоретиков международных отношений в большей степени интересует коллективная идентичность наций-государств. Во многих случаях они рассматривают идентичность государства как данность. Так, авторы крупного коллективного труда о роли идентичности в мировой политике признавали: «у нас отсутствует подробная концепция того, каким образом конструируется идентичность»¹⁶.

Американский ученый Илья Призел предположил, что на процесс формирования внешней политики государств воздействуют их представления об идентичности. В частности, он утверждал: «Эмоциональное, пусть даже и иррациональное, чувство национально-государственной общности и идентичности играет важнейшую роль в том, как общество воспринимает внешний мир, и оказывает чрезвычайно сильное, если не определяющее, влияние на внешнеполитическую деятельность этого общества. Это связано с тем, что национально-государственная идентичность участвует в определении параметров национального интереса – как во внутреннем, так и во внешнем измерениях»¹⁷.

Данный тезис, несомненно, верен в случаях, когда в государстве существует консенсус в отношении коллективной идентичности. Однако если в государстве присутствуют конкурирующие взгляды на его идентичность, то концепция Призела может терять объяснительную силу. В отношении стран с неустоявшейся идентичностью работает тезис, обратный выдвинутому Призелом, а именно: внешняя политика и политика безопасности сами могут оказывать влияние на формирующуюся идентичность. Постмодернистская интерпретация внешней политики в качестве процесса постоянной трансформации того, как государства определяют свое место на мировой арене, может быть

¹⁶ Paul Kowert, Jeffrey Legro. Norms, Identity, and Their Limits: A Theoretical Reprise // The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics / Peter Katzenstein (ed.). New York: Columbia University Press, 1996. P. 469.

¹⁷ Ilya Prizel. National Identity and Foreign Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 14.

¹⁸ Теоретические дебаты по этому вопросу отражены в следующих книгах: David Campbell. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1992; R.B.J. Walker. Op. cit.; Cynthia Weber. Op. cit. См. также: Igor Zevelev. Russian and American National Identity, Foreign Policy, and Bilateral Relations // International Politics. December 2002. Vol. 39. No 4. P. 447–465.

применена к большинству государств, поскольку лишь немногие из них имеют ярко выраженную и не подвергаемую сомнению идентичность¹⁸.

Цели данного исследования требуют разложения внешнего аспекта идентичности на ряд компонентов, включающих желаемый внешний облик государства, восприятие им основных международных тенденций, угроз и вызовов, а также облика других крупных международных субъектов. В своем внутреннем аспекте идентичность государства включает теоретический дискурс по вопросам идентичности, политический расклад сил, отстаивающих различные концепции идентичности, а также взгляды на коллективную идентичность, распространенные среди жителей государства.

Эволюция внешней политики России: масштаб изменений

В этом разделе мы рассматриваем меру изменений, которые российская внешняя политика претерпела на четырех главных географических направлениях: американском, европейском, азиатском и постсоветском. Мы разделяем период президентства В.В. Путина в России, начавшегося в 2000 году, на два этапа. Условным рубежом для нас является 2003 год, в конце которого намечилось охлаждение отношений с США и Западной Европой в контексте противоречий на постсоветском пространстве, в то время как Россия начала в полной мере ощущать прирост ресурсной базы своей внутренней и внешней политики, произошедший благодаря увеличению денежных поступлений в федеральный и региональные бюджеты.

Наши выводы суммированы в Таблице 1, которая показывает, что перемены в интересующий нас период происходили на всех уровнях. В 2001–2006 годах имели место адаптивные, программные и целевые изменения, а также перемены во внешних аспектах российской внешнеполитической идентичности. При этом можно выделить два цикла перемен: условно 2001–2003 и 2004–2006 годы.

Таблица 1

*Изменения российской внешней политики в 2001–2006 годах
в сравнении с 1996–2000 годами*

Уровень изменения	Объект политики			Постсоветское пространство
	США	Европа	Азия	
Адаптивные	Больше усилий (2001–2006)	Больше усилий (2001–2006)	Меньше усилий, больше усилий (2004–2006)	Прежний уровень усилий (2001–2003), больше усилий (2004–2006)
Программные	Есть изменения (расширено сотрудничество в области безопасности; ослабление конкуренции, кроме постсоветского	Нет изменений: 2001–2003 (постепенное построение общего европейского пространства). Есть изменения: 2004–2006	Нет изменений: 2001–2003 (тесные двусторонние связи с крупными азиатскими державами и интеграция	Есть изменения (акцент на двусторонние отношения в сфере экономики и безопасности; после 2003 года – усиление

	пространства; после 2003 – года риторика сохранения суверенитета противопоставляется американским проектам демократизации)	(активизация энергетической дипломатии, но нарастание скептицизма по поводу перспектив европейской интеграции)	в азиатско-тихоокеанское сообщество). Есть изменения: 2004–2006 (активная энергетическая дипломатия в Центрально-Восточной Азии и на Среднем Востоке, инициативное участие в политике нераспространения ОМУ)	конкуренции с внешними игроками; пересмотр условий поддержки Россией соседних государств)
Изменения целей	Есть изменения (альянс в войне с терроризмом; после 2003 года – противодействие влиянию США на постсоветском пространстве, ограничение воздействия США на российскую внутреннюю политику)	Нет изменений (интеграция с Европой, но не в нее)	Нет изменений (экономическое, дипломатическое сотрудничество, взаимодействие в сфере безопасности). Новые элементы (энергетическое сотрудничество. Создание противовеса США более не является главной целью)	Нет изменений (поддержание сильного влияния России)
Изменения внешней идентичности	Есть изменения (молчаливое согласие с превосходством США в «жесткой» силе. После 2003 года Россия – претендент на роль полноправного партнера США в некоторых областях и конкурента в других)	Есть изменения (Россия настаивает на своей европейской культурной идентичности)	Нет изменений (Россия – азиатская держава ввиду очевидных географических признаков)	Нет изменений (Россия принадлежит роль легитимного лидера в регионе, объединенном культурно-исторической общностью)

Наиболее фундаментальный сдвиг в восприятии Россией собственного места на международной арене, очевидно, заключается в произошедшем в 1990-е годы переходе от «идеологизированного глобализма» сверхдержавы к политике, основанной на более узком (в основном региональном) понимании национальных интересов. Многие российские деятели отождествляли подобный переход с обретением Россией «нормального» статуса в международных отношениях. Тем не менее перемены, произошедшие в российском самовосприятии, не сделали Россию более похожей на США или государства Западной Европы. Соединенные Штаты продолжали рассматривать себя в качестве сверхдержавы, распространяющей ценности по всему миру. В свою очередь, западноевропейские государства, казалось, постепенно отказывались от узко национального видения своих интересов в пользу общей европейской идентичности, добровольно ограничивая свой суверенитет в сфере внешней политики и безопасности. Россия же стала походить скорее на Китай и Индию – региональные ядерные державы. Эти страны не желали в какой бы то ни было степени ограничивать свой суверенитет и свободу действий на международной арене. Поэтому они не участвовали ни в каких международных институтах с элементом наднациональности. Они были больше всего озабочены тем, что происходит вблизи их границ, и склонны рассматривать мир сквозь призму многополярности.

Представления России, как и любой другой страны, о самой себе и мире подверглись изменениям. Чтобы понять суть перемен, инициированных президентом Путиным в 2001 году, полезно обратиться к принятым до его прихода к власти официальным документам, в которых отражены внешние аспекты идентичности Российского государства – Концепции национальной безопасности 2000 года, Концепции внешней политики 2000 года, а также работам крупного российского ученого, бывшего директора Службы внешней разведки, министра иностранных дел и председателя Правительства России Е.М. Примакова¹⁹.

Е.М. Примаков хотел видеть в России великую державу и один из влиятельных центров многополярного мира. Он исходил из наличия двух главных тенденций мирового развития: с одной стороны, формирования многополярного мира, а с другой – попыток Запада под предводительством США обеспечить свое доминирование

¹⁹ *Примаков Е.М.* Годы в большой политике. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999; *Он же.* Восемь месяцев плюс... М.: Мысль, 2001. В настоящее время Е.М. Примаков является президентом Торгово-промышленной палаты Российской Федерации.

на мировой арене. Эти попытки, по его мнению, являлись основным препятствием на пути к многополярному миру. Для Примакова и его единомышленников США – это основная держава, стремившаяся действовать в обход международного права, чтобы обеспечить однополярную структуру мирового порядка и добиться собственного доминирования.

Каким образом в данном контексте Россия интерпретировала главные угрозы своим интересам? В Концепции национальной безопасности 2000 года указывалось в первую очередь на снижение роли существующих международных институтов в сфере безопасности (в первую очередь, ООН и ОБСЕ), снижение влияния России в мире, расширение НАТО на восток, а также возможность размещения военных баз и вооруженных контингентов других государств в непосредственной близости от российских границ.

Изучение российской Концепции национальной безопасности, позволяет заключить, что угрозы, о которых говорится в документе, уже в основном материализовались. Роль ООН и ОБСЕ (в гораздо большей степени) снизилась, на протяжении 2000–2003 годов ослабевало также российское влияние в мире. НАТО продолжила свое расширение, в 2004 году приняв в свои ряды прибалтийские государства. В начале 2000-х годов западные военные контингенты появились в Узбекистане, Киргизии, Таджикистане и Грузии – совсем рядом с российскими границами.

Какие действия в данной ситуации предпринял президент Путин? Под его руководством Россия революционным образом изменила систему координат, в которой она рассматривает мир. Он использовал ситуацию, сложившуюся после 11 сентября 2001 года, для пересмотра самих основ российской стратегии безопасности. Президент и его ближайшие советники, очевидно, сочли, что Россия должна была давать решительный ответ только на самые серьезные и непосредственные угрозы: терроризм и сепаратизм, незащищенность границ и вооруженные конфликты. Другие более «абстрактные» угрозы на западном направлении, упоминавшиеся в Концепции национальной безопасности, были переведены в разряд текущих проблем или потенциальных рисков, но не прямых угроз. Шаги, предпринятые В.В. Путиным, можно интерпретировать как «десекуритизацию» отношений с Соединенными Штатами и НАТО²⁰. В начале сво-

²⁰ Концепция «десекуритизации» (desecuritization) была выдвинута в середине 1990-х годов Оле Вэвером и развита другими представителями Копенгагенской школы исследований международных отношений. Под «десекуритизацией» авторы концепции понимают вывод определенного круга вопросов из повестки дня государственной политики безопасности. В этом случае происходит смещение

его президентства Путин вывел из сферы безопасности существующие противоречия в отношениях России с Западом. «Угрозы», для устранения которых требовались неотложные и экстраординарные меры, были переименованы в «проблемы», решать которые возможно посредством рутинной дипломатической работы.

Россия переосмыслила свое место в мире и в системе международной безопасности. С одной стороны, Путин унаследовал «парадигму многополярности» от Примакова. С другой стороны, в первые годы пребывания у власти он предпринял попытку модернизировать данную концепцию. В свой первый президентский срок он сосредоточил внимание не на роли России как независимого центра силы, а на ее интеграции в мировое сообщество. Он стремился интегрировать Россию в мир, где Запад в целом (и США в особенности) являлся лидером. Путин старался изменить образ России в мире. Как полагал российский президент, России следовало позиционироваться не в качестве центра силы в многополярном мире, а современного конкурентоспособного государства, носителя европейского культурного наследия и полноправного участника западного сообщества наций. Очевидно, Путин пришел к выводу, что именно таким путем Россия смогла бы стать настоящей мировой державой. Интернационализация и конкуренция за выход на глобальные рынки товаров, услуг и капиталов, а также за влияние на ход международных процессов имели для российского президента большее значение, чем опасности, связанные с формированием однополярного мира. В качестве главной угрозы российским интересам Путин видел перспективу изоляции России и экономического спада в стране. Соединенные Штаты имели для Путина сразу несколько ипостасей. Они являлись партнером в борьбе против терроризма и поддержании стратегической стабильности и конкурентом на постсоветском пространстве. Вместе с тем для целей российского военного планирования США продолжали играть роль потенциального противника.

На втором этапе президентства В.В. Путина, начало которого можно условно отнести к рубежу 2003–2004 годов, базовые

данных проблем вниз по шкале важности от «жизненно важных» к просто «важным» или вообще «малозначимым». Соответственно, общество отказывается от императива мобилизации ресурсов и перестает соглашаться с необходимостью жертв во имя решения данных проблем, более не рассматривающихся как «проблемы безопасности». См.: *Ole Waever. Securitization and Desecuritization // On. Security / Ronnie D. Lipschutz (ed.). New York: Columbia University Press, 1995. P. 46–86; Ole Waever. Securitization and Desecuritization // Barry Buzan et al. Security: A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner Publishers, 1998.*

российские представления о мире и месте в нем России претерпели новые изменения. В 2004–2006 годах наметился возврат России к официальной риторике «многополярности» времен Е.М. Примакова. Вместе с тем в середине 2000-х годов данная концепция вышла на арену в несколько видоизмененном по сравнению с предшествующим десятилетием виде. Во-первых, Россия стала в меньшей степени акцентировать понятие «статус-кво», под которым понималось состояние международных отношений после Второй мировой войны, и проблему нарушения этого статус-кво единственной сверхдержавой, стремящейся к утверждению однопольности. Во-вторых, Москва четко заявила о своих возможностях и желании играть лидирующую роль в ряде важнейших мировых процессов в условиях, когда деятельность главного центра силы – США и их ближайших союзников – в этих вопросах зашла в тупик.

Основными причинами перемен в доктринальных установках российской внешней политики стали возросшая ресурсная база России как крупного экспортера подорожавших энергоресурсов и неудачи американской политики в Ираке, а также в сфере предотвращения прогресса Северной Кореи и Ирана на пути к созданию ядерного потенциала в 2004–2006 годах. В условиях очередной волны повышения цен на нефть и уверенности представителей российской власти в том, что «дешевой нефти больше не будет»²¹, Россия стала связывать свою государственную идентичность с позицией «энергетической сверхдержавы» – «незаменимого» и потому очень влиятельного субъекта мировой политики. Ресурсы подобной сверхдержавы пользуются негибким спросом на международных рынках, что позволяет ей вести политику независимого центра силы. Залогом этой способности является прочный контроль за энергоресурсами страны со стороны ее правящего класса, который целенаправленно «конвертирует» добываемые в стране нефть и газ не только в денежные средства, но и в политическое влияние России на международной арене. В целом, Россия середины 2000-х годов формулировала концепцию «многополярности» с позиции самостоятельного альтернативного Соединенным Штатам центра силы, а не просто критика «американской гегемонии», вынужденно мириться с неприятными для себя действиями единственной сверхдержавы и ищущего партнеров, готовых совместно с Москвой «осложнять жизнь» Вашингтону.

²¹ См., например, статью директора департамента экономического сотрудничества МИД России А.Л. Кондакова «Тяготение к верхней границе ценового коридора», опубликованную в журнале «Международная жизнь» (2005. № 11. С. 106–113).

Преимственность и перемены в российской концепции многополярности читаются в словах министра иностранных дел России С.В. Лаврова, опубликованных в начале 2006 года на страницах еженедельника «Московские новости»:

«Современные международные отношения трудно понять, если не учитывать того, что они находятся в переходном состоянии, что по определению исключает какой бы то ни было статус-кво (кроме основополагающих принципов международного права). Однако создается впечатление, что некоторые наши партнеры хотели бы обеспечить свое главенство в любом новом миропорядке. Убежден, что такой подход является антиисторичным, попросту утопией, и основывается на одном из мифов, коих возникло множество сразу после окончания холодной войны, включая миф о "победителях и побежденных" ... Мы готовы, более того, хотим играть в команде, открыты для аргументированных дебатов, для убеждения. Но там, где налицо дефицит дальновидного лидерства, Россия не будет уклоняться от ответственности, будет предлагать свой анализ ситуации, свое видение возможных решений, действуя, разумеется, в рамках многосторонней дипломатии и коллективных усилий. Этого от нас ждут многие наши партнеры, и мы не вправе обмануть их ожидания, тем более когда столь многое поставлено на карту для всего мирового сообщества»²².

В то же самое время российская политическая и существенная часть деловой элиты начали уделять повышенное внимание концепциям государственного суверенитета и средствам противодействия снижению российского суверенитета перед лицом процессов глобализации и целенаправленной политики ряда стран Запада. Размывание суверенитета России было отнесено к числу угроз не только российской безопасности, но и конкурентоспособности страны в мировой экономике. Международные экономические процессы при этом получили интерпретацию жесткой «борьбы за дивиденды», которая сама по себе не являлась неэтичной, однако грозила России попаданием в зависимость от мировых центров экономического влияния. Так, близкий советник президента Путина и один из ведущих идеологов партии парламентского большинства В.Ю. Сурков отмечал: «Думаю, что два стратегических условия должны обеспечить долгосрочное устойчивое развитие – демократия и суверенитет. ...Если мы не будем управлять собой сами, а пе-

²² Лавров С.В. Россия в глобальной политике // Московские новости. 2006. № 7 (<http://mn.ru/issue.php?2006-7-1>).

редоверим это все транснациональным компаниям, мощным неправительственным благотворительным организациям, ...то нам будут оставлять на жизнь столько, сколько считают нужным они, а не столько, сколько бы хотели оставить у себя мы... При всех радостях глобализации, дружба дружбой, а дивиденды американцы считают у себя, англичане – у себя, канадцы – у себя, ну а мы, грешные, – у себя, а большинство считает убытки... Поэтому когда нам говорят, что суверенитет – вещь устаревшая, как и национальное государство, мы должны все-таки задуматься, а не вводят ли нас намеренно в заблуждение. ...Суверенитет – это открытость, это выход в мир, это участие в открытой борьбе. Я бы сказал, что суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности»²³.

Одним из наиболее жестких средств воздействия на внутренние процессы в других государствах, Запад, по мнению российского руководства, избрал политику распространения демократии путем поддержки массовых протестных движений. Смена власти в Союзной республике Югославии в результате массовых протестов осенью 2000 года, а затем «цветные революции» на постсоветском пространстве 2003–2005 годов были связаны в российском политическом сознании в единую цепь. Запад, поддержавший или даже сконструировавший массовый протест в СРЮ, Грузии, на Украине и в Белоруссии, использовал в качестве инструмента универсалистскую риторику защиты демократических свобод и прав человека. Однако этот факт подтолкнул российское руководство к разочарованию в западной трактовке данных ценностей и опасениям относительно возможных попыток применить инструменты «цветных революции» к России. По замечанию В.Ю. Суркова, «трудности становления демократии в нашей стране, двойные стандарты западной политики дают стимул для разочарования в демократических ценностях. Едва ли способствуют популярности демократических идей секретные тюрьмы ЦРУ в Европе, незаконное насилие в Ираке, антиконституционные "оранжевые" перевороты в соседних странах»²⁴.

Вышеприведенные тезисы об интеллектуальной эволюции российской внешней политики за последние 15 лет суммированы в Таблице 2.

²³ *Сурков В.Ю.* Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. Стенограмма выступления заместителя Руководителя Администрации Президента – помощника Президента РФ Владислава Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия» 7 февраля 2006 года (<http://www.edinros.ru/news.html?id=111148>).

²⁴ Там же.

Таблица 2

Российские представления о России, мире и США

	Примаков	Путин (2001–2003)	Путин (2004–2006)
Желаемый внешний облик	«Великая держава», влиятельный центр в многополярном мире	Конкурентоспособная современная страна, крупная мировая держава	«Энергетическая сверхдержава», лидер постсоветского пространства
Восприятие основных международных тенденций	Конкурирующие тенденции: движение к многополярному миру и к однополярной структуре	Глобальная конкуренция за рынки, инвестиции и влияние	Борьба за источники энергосырья, политика пренебрежения суверенитетом государств со стороны США и их союзников
Основные вызовы и угрозы	Формирование однополярного мира	Изоляция России, отставание в сфере экономики	Подрыв суверенитета России
Образ США	США – это страна, стремящаяся к однополярной структуре, основанной на экономическом и силовом доминировании	Единственная сверхдержава. Главный партнер в борьбе с терроризмом и поддержании стратегической стабильности. Соперник на постсоветском пространстве. Для целей стратегического военного планирования – потенциальный противник	Потенциальный покупатель российских энергетических ресурсов, но сторонник ограничения российского влияния на рынке углеводородов. Партнер в борьбе с терроризмом, но дестабилизатор соседних с Россией регионов. Носитель идей «неограниченной демократизации» – угрозы российским политическим устоям

Наш анализ показывает, что важные изменения в российской внешней политике произошли не только на уровне программ и целей, но также и на самом глубоком уровне – в области государственной идентичности на протяжении 2001–2004 годов. Каким образом это произошло? Какова была в этом роль внешних воздействий и, в особенности, политики США?

Как американские концепции и действия интерпретируются Россией? Семиотика американско-российского взаимодействия

Американский теоретик международных отношений Роберт Джервис впервые обратил внимание на роль образов и представлений в международных отношениях, открыв тем самым новую страницу в политической теории²⁵. Для целей настоящей статьи особое значение имеют три вывода, сделанные Джервисом. Во-первых, он анализировал процесс принятия внешнеполитических решений с позиций психологии. Он установил, в частности, что «зачастую объяснение причин, по которым были приняты те или иные важные решения, требует изучения убеждений лиц, принимающих решения, их взглядов на мир и образы других субъектов»²⁶. Главный вопрос для Джервиса заключался не в том, кто был прав, а кто – ошибался, а в том, «почему представления людей о мире оказывались различными»²⁷. Во-вторых, он утверждал, что «представления людей о мире и о других субъектах расходятся с реальностью вполне ощутимым образом и по причинам, которые доступны нашему пониманию»²⁸. Можно отметить, что для постмодернистской школы вопрос заключается не в том, имеется ли отход от реальности (которая в понимании постмодернистов вообще не существует), а в том, почему и каким образом расходятся представления различных субъектов. В-третьих, Джервис предложил проводить различие между «сигналами» (словами и символическими действиями) и «показателями» (ресурсами и намерениями). Эта терминология близка к той, которой пользуются исследователи семиотики. Один из отцов-основателей современной семиотики, американский философ Чарлз Пейрс впервые предложил различать «показатели» (непосредственные материальные действия), «символы» (symbols) и «образы» (icons)²⁹.

²⁵ См.: *Robert Jervis*. The Logic of Images in International Relations. Princeton: Princeton University Press, 1970; *Robert Jervis*. Perception and Misperception in International Politics. Princeton: Princeton University Press, 1976.

²⁶ *Robert Jervis*. Perception and Misperception in International Politics. P. 28.

²⁷ *Ibid.* P. 29.

²⁸ *Ibid.* P. 3.

²⁹ *Charles Peirce*. Philosophical Writings of Peirce. Selected and Edited with an Introduction by Justus Buchler. New York: Dover Publications, 1955.

В целях упрощения терминологии мы будем рассматривать декларации по американской внешней политике, содержащиеся в официальных документах, отдельно от конкретных действий США на международной арене. В контексте данной статьи действия США, в свою очередь, подразделяются на (1) адресованные России и (2) не направленные на нее непосредственно, но вместе с тем в значительной степени затрагивающие российские интересы. Список американских концепций и действий, приведенный в Таблице 3, конечно, не является исчерпывающим. Тем не менее он дает представление об основных проблемах американско-российских отношений в 2001–2006 годах.

Далее мы рассматриваем примеры важных импульсов, полученных Россией от США, и анализируем то, каким образом эти импульсы были интерпретированы. Конечная цель нашего анализа – понять, смогли ли импульсы со стороны Соединенных Штатов изменить российские коды восприятия в тех областях, где данные коды имели расхождение. Положительный ответ на данный вопрос позволит утверждать, что «мягкое» влияние США было в отношении России действенным. С другой стороны, нам важно оценить реакцию России на американское воздействие с применением «жесткой» силы и в конечном итоге ответить на вопрос, какие формы воздействия США на Россию в последние полтора десятилетия были более эффективными и почему.

В ряде областей международного взаимодействия российские коды оказались идентичны американским или схожи с ними. Характерно, что в течение 2001–2006 годов российское и американское *восприятие терроризма и войны против него* совпадали в значительной, пусть даже и неполной, степени. Не только элиты, но и широкие слои населения в обеих странах рассматривали терроризм как основную угрозу безопасности. В России «войну с терроризмом» поддерживали 73% населения, что было ниже лишь американского уровня поддержки (81%) и существенно выше французского (50%), германского (55%) и даже британского (55%). Всего 34% россиян считали реакцию США на терроризм чрезмерной, аналогичной позиции придерживалось 49% немцев и 57% французов³⁰.

США и Россия рассматривали терроризм в одной и той же системе координат и ставили эту проблему в центр двусторонних отношений не потому, что такой подход был навязан американцами. Российские представители начали выделять международный терроризм в качестве серьезной угрозы в связи с войной в Чечне – за-

³⁰ Pew Research Center. A Year After Iraq War. 16.03.2004 (<http://people.press.org/reports/display.php3?ReportID=206>).

Как американские концепции и действия интерпретируются Россией?

Таблица 3

Американские концепции и действия в их российском прочтении (2001–2006)

Американские «импульсы»	Российское прочтение		
	В том же или схожем коде		В различном коде «договорное» или «контргегемоническое» прочтение
	Сходное прочтение	«контргегемоническое» прочтение	
Концепции	1. Терроризм является главной угрозой 2. Допустимость упреждающих ударов	Критика «концепции многополярности» как теории соперничества	«Демократизация» Ближнего Востока и постсоветского пространства, концепция «ограниченного суверенитета»
Действия, специально не направленные на Россию, но воздействующие на нее	1. «Война с терроризмом», особенно в Афганистане 2. «Инициатива в сфере нераспространения» (Proliferation Security Initiative – PSI)	Игнорирование позиции ООН	1. Вторая «волна» расширения НАТО. Ее военное присутствие в странах Балтии 2. Односторонний выход из Договора по ПРО, развертывание системы противоракетной обороны на территории США 3. Озабоченность иранской ядерной программой 4. Военное присутствие в Центральной Азии и Грузии 5. Война в Ираке 6. Поддержка «оранжевой революции» в Украине
Действия, непосредственно направленные на Россию	Сотрудничество с Россией в «войне с терроризмом»	1. Ограничение «чрезмерного» российского влияния на постсоветском пространстве 2. Критика состояния демократии в России	Критика нарушений прав человека в Чечне

долго до 11 сентября 2001 года. Одна из наиболее энергичных попыток связать события в Чечне, международный терроризм и необходимость совместной борьбы с этими угрозами была предпринята президентом Ельциным на саммите «Большой семерки» в канадском Галифаксе в июне 1995 года. Программа действий международного сообщества по борьбе с терроризмом была выдвинута российской стороной на «антитеррористическом саммите» в Шарм-аль-Шейхе (Египет) в марте 1996 года. После 11 сентября 2001 года российский код стал почти идентичным американскому, причем в данном дискурсе Россия чувствовала себя вполне комфортно, соглашаясь с американцами.

Администрация Буша начала говорить о том, что США перешли в «состояние войны» вскоре после нападения 11 сентября 2001 года. Президент Путин прибег к подобной риторике тремя годами позднее после террористического акта в Беслане в 2004 году: «Мы имеем дело с ... тотальной, жестокой и полномасштабной войной, которая вновь и вновь уносит жизни наших соотечественников»³¹. Как США, так и Россия рассматривали эту войну сквозь призму противопоставления добра и зла. Президенты Буш и Путин определяли террористов в качестве лиц, стремящихся разрушить государственные устои соответствующих стран. Для Дж. Буша это означало в первую очередь свободу и демократию. Для В.В. Путина – территориальную целостность России. В этом отношении американская и российская смысловые системы координат отличались от систем, преобладающих в континентальной Европе. Европейцы предпочитали говорить о «борьбе» с криминальными элементами при помощи судебных решений, а не армейских соединений. В отличие от европейского американский и российский дискурсы в сфере борьбы с терроризмом были основаны на предпосылке о том, что никакие уступки и компромиссы не остановят террористов.

В целом, Россия интерпретировала американские концепции и акции в области борьбы с международным терроризмом в схожем коде и в основном их одобряла. Более того, Россия активно формировала дискурс антитеррористической кампании. Когда в сентябре 2004 года российские официальные лица взамен ранее распространенного термина «антитеррористическая операция» стали употреблять слово «война», это произошло отчасти под влиянием Соединенным Штатам.

Таким образом, стратегия борьбы с международным терроризмом интерпретировалась Россией и США в одинаковом или схожем

³¹ Обращение Президента России Владимира Путина. 4 сентября 2004 года (http://www.russiaeurope.mid.ru/beslan1_rus.html).

коде. Этот код сформировался в России раньше, чем в США. Однако Москва не сыграла значимой роли в принятии соответствующего кода Вашингтоном. К такому результату привели прежде всего террористические нападения 11 сентября 2001 года. Россию же в этом направлении вела вся внутренняя логика событий и действий предшествующих лет. Совсем другая история – принятие Россией на вооружение американской концепции *упреждающего удара*.

Данная концепция стала примером того, как Россия прочитала американский словесный импульс в качестве кода, а не текста, и затем адаптировала его к своим нуждам. Президент Путин изначально заявил, что Россия не приемлет подобной политики³². Тем не менее данная концепция была включена в российскую смысловую систему координат в качестве варианта поведения самой России в определенных ситуациях. Как отметил президент Путин, «если в международной практике, в практике международной жизни будет утверждаться принцип превентивного применения силы, то Россия оставляет за собой право действовать аналогичным образом для защиты своих национальных интересов»³³. После террористического акта в Беслане в 2004 году Россия стала единственной страной, открыто и жестко зарезервировавшей за собой право на превентивный удар против баз террористов в любой точке мира. Начальник Генерального штаба российских Вооруженных сил Ю.Н. Балуевский заявил: Россия готова наносить превентивные удары по местам базирования террористов в любой части света³⁴. Он отметил, что выбор «способа нанесения удара будет зависеть от особенностей ситуации в конкретном регионе», однако исключил возможность использования ядерного оружия³⁵.

Очевидно, что сегодня Россия обладает гораздо меньшими возможностями проецировать силу, чем США. Принятие концепции превентивных ударов свидетельствует о стремлении продемонстрировать тот факт, что российские лидеры готовы защищать свою страну всеми доступными им средствами. В то же самое время, пойдя на это, Россия попыталась поставить себя в один ряд с Соединенными

³² См.: Интервью Президента России Владимира Путина телеканалу «Аль-Джазира». Куала-Лумпур, 16 октября 2003 года (http://www.kremlin.ru/appears/2003/10/16/2206_type63379_54204.shtml).

³³ Интервью Президента России Владимира Путина итальянским информационному агентству АНСА, газете «Коррьере делла сера» и телекомпании РАИ, 3 ноября 2003 года (<http://www.kremlin.ru/text/appears/2003/11/54926.shtml>).

³⁴ В текущем российском дискурсе не проводится различие между «превентивными» (“preventive”) и «преэмптивными» (“preemptive”) ударами.

³⁵ Красная звезда. 2004. 9 сентября.

Штатами. Ее желаемый образ на международной арене – мощное государство, которое обладает политической волей защитить себя в ситуации, когда его жизненные интересы поставлены под угрозу. Принятие американской концепции превентивных ударов рассматривалось в качестве шага по созданию подобного имиджа.

Общность кодов не обязательно означает согласие по сути вопроса. Можно выделить целый ряд сфер, где Россия отлично понимала США, но не соглашалась с ними. Американо-российский диалог в этом случае напоминал некоторые дебаты между США и Францией. В концептуальной сфере *идея многополярного мира* может служить хорошим примером такого взаимодействия.

Значительная часть российской политической и академической элиты приняла активное участие в обсуждении того, становится ли мир однополярным или многополярным после окончания «холодной войны». Вынесенный вердикт был практически единогласным: международное сообщество движется к многополярности³⁶. Вместе с тем никто не задался вопросом о том, в какой степени концепция многополярности является адекватным инструментом анализа, или призмой, сквозь которую можно смотреть на мир в XXI веке.

Президенты Путин и Ширак, премьер-министр Блэр, советник по национальной безопасности президента США (во второй администрации Дж. Буша – госсекретарь) К. Райс, а также китайские и индийские политики участвовали в дискуссии. Однако эта дискуссия несколько отличалась от научного дискурса на данную тему. Политики обсуждали концепцию многополярности как стратегическую программу действий. В ходе подготовки к войне в Ираке эти дискуссии приняли ежедневный характер. Американская и британская стороны интерпретировали идею многополярности в качестве попытки уравновесить центр силы в лице США. Они подвергли данную концепцию критике за то, что французская трактовка многополярности, по их мнению, подразумевала возможность позиционирования Европы в качестве отдельного от США центра силы. Американцы и британцы не могли принять данную концепцию, поскольку видели в ней нереалистичный устаревший подход с точки зрения баланса сил. Будучи доведенным до логического завершения, данный подход в полной мере проявлял свою антиамериканскую направленность. Дискуссия достигла максимального накала к весне 2003 года, когда была начата война против

³⁶ См., например, уже упомянутые работы Е.М. Примакова «Годы в большой политике» (1999), «Восемь месяцев плюс...» (2001), а также статью Н.А. Симони «Российская внешняя политика в условиях современных вызовов», опубликованную в журнале «Международная жизнь» (2002. № 6. С. 21–33).

Ирака. В тот момент премьер-министр Великобритании Тони Блэр почувствовал необходимость внести свой вклад в обсуждение и выступил со следующим заявлением:

«Я думаю, здесь имеется фундаментальное расхождение во взглядах. Некоторым хотелось бы видеть становление многополярного мира, в котором присутствует несколько различных центров силы, которые, однако, как мне кажется, быстро скатятся к конкуренции. Другие же, и я в их числе, считают, что нам нужен всего лишь один главный центр силы в лице стратегического альянса между Европой и Америкой»³⁷.

На совместной пресс-конференции с В.В. Путиным, состоявшейся на следующий день после публикации интервью в «Файнэншл таймс», Т. Блэра попросили дополнительно прокомментировать тезис о целесообразности однополярной структуры международных отношений с главным центром силы в лице Европы и США. Премьер-министр уточнил, что, по его мнению, «Соединенные Штаты Америки, Европа и Россия должны создать стратегическое партнерство скорее, чем выступать в качестве отдельных стран и в качестве соперничающих стран»³⁸. Президент Путин был также готов к ответу на этот вопрос. Он подчеркнул, что знаком с изначальным текстом Т. Блэра и что оба лидера имели возможность обсудить эту тему. В.В. Путин заявил, что не хотел бы вмешиваться в дискуссии между трансатлантическими партнерами, и согласился с тем, что Европа и Соединенные Штаты представляют собой единый центр силы. Однако когда в уравнение добавляются Россия и Китай, то мир, по мнению российского президента, становится многополярным. В.В. Путин оспорил основное положение, выдвинутое Т. Блэром. В частности, в весьма прямолинейной форме российский президент заявил: «Мы полагаем, что мир должен быть многополярным». Он также объяснил, почему Россия не была готова присоединиться к упомянутому евроатлантическому центру силы: «Если все это многочисленное сообщество призвано служить интересам только одного государства, то, думаю, подобная ситуация является неприемлемой»³⁹.

Летом 2003 года, советник президента США по национальной безопасности К. Райс пошла в своих рассуждениях дальше Т. Блэра. Отвергнув французскую точку зрения, она заявила, что «много-

³⁷ Financial Times. April 28, 2003.

³⁸ Совместная пресс-конференция Президента России Владимира Путина с Премьер-министром Великобритании Энтони Блэйром. Ново-Огарево, 29 апреля 2003 года (http://www.kremlin.ru/appears/2003/04/29/2241_type63380_43932.shtml).

³⁹ Там же.

полярность является теорией соперничества, столкновения интересов и – в наихудшем варианте – столкновения ценностей»⁴⁰. Четырьмя месяцами позднее президент Путин решил, что дискуссия слишком важна, чтобы воздерживаться от участия в ней, и подкрепил свои прежние тезисы новой аргументацией:

«По нашему глубокому убеждению, мир будет безопасным и стабильным только в том случае, если он будет многополярным. Многополярным с точки зрения учета интересов всех стран, всех народов, всех групп государств. В понятие многополярности мы не вкладываем тезис о соперничестве или вражде, мы вкладываем в него другое содержание. Оно основано на культурной, этнической, религиозной многополярности, которая де-факто существует в мире»⁴¹.

Расхождение во взглядах очевидно, однако как К. Райс, так и В.В. Путин вполне четко понимали позиции друг друга в отношении концепции многополярности.

Таким образом, в моменты наиболее оживленных дискуссий по концепции «многополярности» последняя воспринималась Москвой и Вашингтоном в сходном коде, однако ее оценки сторонами были диаметрально противоположными. При этом американские импульсы были направлены на то, чтобы изменить российскую позицию: добиться понимания Россией того, что противостоять США бесполезно ввиду их огромного превосходства в ресурсах⁴². Однако, как было показано выше, Россия не только не согласилась с американской трактовкой, но и дополнительно усилила свою аргументацию после 2004 года: необходимо не только стремиться к утверждению в мире разных центров силы, но и не допускать вмешательства одного из них в любой форме в «суверенные дела» другого.

Примером прочтения Россией американского словесного импульса в ином коде является *дискуссия о втором раунде расширения НАТО*. Российская позиция по этому вопросу хорошо известна. Она была ясно сформулирована президентом Путиным, министром иностранных дел С.В. Лавровым и министром обороны С.В. Ивановым в их многочисленных выступлениях. Российские официаль-

⁴⁰ Address to IISS by US National Security Advisor, Dr Condoleezza Rice. 2003, 26 June (<http://www.iiss.org/index.asp?pgid=3581>).

⁴¹ Ответы Президента России Владимира Путина на вопросы участников Делового саммита АТЭС. Бангкок, 19 октября 2003 года (http://www.kremlin.ru/appears/2003/10/19/2013_type63381_54264.shtml).

⁴² См., например: The National Security Strategy of the United States of America. September 2002. P. 30; The National Security Strategy of the United States of America. March 2006. P. 43.

ные лица определили отношение России к расширению НАТО как спокойное, но негативное. Менее известно, что данный подход не разделялся большинством населения России. По результатам исследования, проведенного Всероссийским центром исследований общественного мнения (ВЦИОМ) в 2004 году, 44 процента россиян видели в расширении НАТО угрозу для России, в то время как подобной угрозы не ощущали всего 24 процента населения⁴³.

Процесс трансформации НАТО – организации со сложными многоаспектными задачами – можно рассматривать под различными углами зрения. Совсем не удивительно, что такие страны, как США, Франция, Германия, Польша, Болгария, Эстония и Россия, имеют разные взгляды на Североатлантический альянс. Причина подобного расхождения во взглядах заключается не только в том, что НАТО действует одновременно по многим направлениям. Более глубокая причина кроется в том, что разные субъекты международных отношений имеют различные картины мира и своего места в нем. НАТО занимает важное место на экранах их «радаров», однако сами радары настроены на отслеживание различных процессов, связанных с деятельностью альянса. Для России НАТО – это не только партнер по Совету Россия—НАТО, но также и «альянс с наступательной военной доктриной и антироссийской составляющей в военном планировании», как было подчеркнуто на заседании коллегии Министерства обороны России в октябре 2003 года⁴⁴. Лишь в этом контексте можно правильно интерпретировать более позднее высказывание министра обороны России С.Б. Иванова на страницах «Нью-Йорк таймс»:

«Российское политическое и военное руководство имеет веские основания для озабоченности по поводу принятия Эстонии, Латвии и Литвы в НАТО – особенно, если альянс решит развернуть крупные военные базы на территории этих государств. НАТО расширяет свои возможности наблюдения за территорией России. Мы не можем закрывать глаза на приближение натовских баз к городам и объектам военно-промышленного комплекса на европейской части России»⁴⁵.

Россия воспринимала расширение НАТО в коде, похожем на тот, что используется прибалтийскими государствами. Различие заключалось только в том, что российское прочтение носило «контрегемонический» характер. Россия и страны Балтии видели в лице НАТО альянс, назначением которого являлась коллектив-

⁴³ Пресс-выпуск ВЦИОМ. № 73, 2004 (<http://www.wciom.ru/?pt=56&article=648>).

⁴⁴ Российская газета. 2003. 10 октября.

⁴⁵ New York Times. April 7, 2004.

ная оборона от России как наиболее вероятного противника. При сопоставлении российского взгляда на НАТО с американским разница в кодах проявлялась с полной очевидностью. Соединенные Штаты смотрят на НАТО в контексте трансатлантических отношений и ценностей, объединяющих демократические страны. Данный контекст практически отсутствует в российском дискурсе по поводу НАТО и – в еще большей степени – расширения альянса.

Таким образом, Россия воспринимала расширение НАТО как очевидно «антироссийский проект», а США – в первую очередь как элемент большой стратегии, нацеленной на распространение ценностей демократии, рыночной экономики и «цементирование» группы американских союзников в Центральной и Восточной Европе. Импульс Вашингтона, пытавшегося изменить российский интерпретационный код, воздействовал на Россию, которая прочитывала расширение в собственном «секьюритизированном» коде. Тем не менее Москва смирилась с намерениями Вашингтона провести расширение – с согласия России или без оно. «Мягкое» влияние США, таким образом, в данной ситуации не сработало, но Россия вела себя сдержанно, учитывая значение «жесткой» силы. В начале 2000-х годов В.В. Путин изменил российскую позицию по расширению на «спокойно-негативную», однако к концу 2005 года со всей остротой возник вопрос присоединения к НАТО Украины. Данный сюжет способен не только окончательно вернуть Россию к «секьюритизированному» восприятию расширения и деятельности Североатлантического альянса, но и привести к витку напряженности в отношениях России и США. Российские коды интерпретации деятельности НАТО окажутся жестко зафиксированными, и Соединенным Штатам потребуется большая доза традиционной силы, чтобы переломить активное противодействие России вступлению Украины в НАТО. Это, в свою очередь, существенно сократит возможности США применять «мягкое» влияние к России в других сферах взаимодействия.

Односторонний выход США из Договора по ПРО также был воспринят в России сквозь призму иного кода. В своем решении администрация Буша руководствовалась основанной на идеологии республиканцев уверенностью в том, ядерная стратегия США должна быть свободна от ограничений, налагаемых международными соглашениями. В рамках внутриамериканской дискуссии о судьбе Договора по ПРО также обсуждались проблемы возможного попадания ОМУ в руки террористических организаций или «злонамеренных» государств, а также защиты от относительно небольшого китайского арсенала сдерживания. Российский фактор в данных дебатах практически отсутствовал. В свою очередь, для России

было естественным интерпретировать американские намерения в совсем ином ключе. Поскольку Договор по ПРО был ни чем иным, как соглашением между США и Россией, Москва полагала, что проблема для США заключается именно в ее ядерном арсенале. Российским политикам было очевидно, что разрушение системы договоров по контролю над вооружениями наносило бы дополнительный ущерб России, потерявшей статус сверхдержавы. Кроме того, демонтаж Договора по ПРО мог означать необходимость увеличения российских военных расходов в будущем.

Таким образом, США не смогли «навязать» России свой код видения проблемы выхода из Договора по ПРО – «мягкое» влияние не подействовало, как и в случае с расширением НАТО. Только действия Вашингтона в традиционном одностороннем формате вынудили Москву согласиться с тем, что отсутствие Договора не создает серьезной угрозы безопасности России. Возможно ли было добиться взаимопонимания с использованием «мягкого» влияния, модифицировав российский код восприятия проблемы противоракетной обороны? Вероятно, да – если бы США подкрепили бы свои аргументы об отсутствии антироссийской направленности их действий конкретными шагами по привлечению России к сотрудничеству в этой и других областях. Такой подход помог бы разрушить остатки логики сдерживания в отношениях США и России в стратегической сфере. В отсутствие подобных шагов любая попытка нарушить статус-кво в этой сфере (и особенно в такой важной ее составляющей, как защита от ракетного нападения) неизбежно воспринимается другой стороной в качестве меры, направленной на снижение эффективности ее потенциала сдерживания.

В ином коде Россия восприняла отчасти и *американскую позицию по иранской ядерной программе*. Нет сомнений, что и Москве, и Вашингтону не выгоден как «ядерный» Иран, так и вообще попадание арсенала ОМУ в руки нарастающего количества государств. В этом смысле обе стороны использовали одинаковый код в анализе ситуации вокруг Ирана и – отчасти – всего режима нераспространения. Так, на совместной с американским лидером пресс-конференции 1 апреля 2003 года Владимир Путин отметил: «Нас не нужно убеждать в том, что оружие массового уничтожения не должно распространяться и расползаться по планете. Это касается не только Ирана, но и других регионов мира. У нас с президентом Бушем есть полное понимание по этому вопросу, так же как и по многим другим концептуальным вопросам современного мира». Однако вслед за этим российский президент поспешил добавить: «Мы против того, чтобы ядерные программы или что-либо другое использовалось в качестве рычага, средства недобросовестной кон-

курении для наших компаний на иранском рынке»⁴⁶. Последняя фраза Путина указывает на то, что помимо схожего с американским кодом интерпретации иранской проблемы, в России также используется иной код. Несколькими месяцами позднее Путин объяснил причины своей озабоченности: «По нашим данным, очень много западноевропейских и американских компаний сотрудничает с Ираном – напрямую либо через посреднические организации – в атомной сфере... Нам бы только очень не хотелось, чтобы надуманные подозрения в сотрудничестве России с Ираном, якобы в оружейной области, использовались как предлог для недобросовестной конкуренции на международном рынке в целом и в Иране – в частности»⁴⁷.

Наличие этого дополнительного кода интерпретации американской позиции по Ирану в основном можно объяснить традиционно сильной российской верой в меркантилизм как доктрину использования экономических инструментов для усиления позиций государства на международной арене. Многие в России уверены в том, что США препятствуют успешному выходу России на конкурентные рынки высокотехнологичной продукции. Российское прочтение «иранской проблемы» также обусловлено опытом, приобретенным Москвой в середине 1990-х годов, когда обсуждались возможности строительства атомной электростанции в Северной Корее. Данный план так никогда и не был реализован, однако в России сложилось впечатление, что соглашению между ней и Северной Кореей были поставлены искусственные препятствия под предлогом озабоченности северокорейской ядерной программой. Реальной же причиной было желание других стран побороться за выгодный контракт.

В России склонны рассматривать многие международные процессы сквозь призму конкурентного подхода. Это может приводить к явлению, которое Умберто Эко назвал «искаженным раскодированием». Даже если некоторые американские компании и были бы заинтересованы в заказах на строительство АЭС на территории Ирана в долгосрочной перспективе, однако представляется маловероятным, чтобы в своей нынешней политике США руководствовались подобными соображениями. Вместе с тем деятельность неко-

⁴⁶ Совместная пресс-конференция Президента России Владимира Путина с Президентом США Джорджем Бушем. Санкт-Петербург, 1 июня 2003 года (http://www.kremlin.ru/appears/2003/06/01/1429_type63380_46559.shtml).

⁴⁷ Интервью Президента России Владимира Путина американским телеканалам. Ново-Огарево, 20 сентября 2003 года (http://www.kremlin.ru/appears/2003/09/20/2000_type63379_52624.shtml).

торых европейских (особенно французских) компаний в Иране усиливала российские подозрения относительно попыток выдвинуть конкурентов с привлекательного рынка.

В 2005 – начале 2006 года Россия несколько сблизила свои позиции по ядерной программе Ирана с американскими. Причинами этого стали, очевидно, сразу несколько обстоятельств: приход к власти в Иране нового президента М. Ахмадинежада, который провозгласил гораздо более конфронтационный курс в отношении США и их союзников, чем его предшественник М. Хатами; смена руководства российской атомной отрасли, а также демонстративный отказ Ирана от ряда компромиссных предложений Москвы по урегулированию проблемы, поддержанных даже Вашингтоном. Тем не менее, несмотря на некоторое ужесточение позиции в отношении Ирана, Россия оставалась противницей жестких санкций против Тегерана, полагая, что подобная политика была бы в первую очередь выгодна Соединенным Штатам и их ближайшим союзникам.

Позиция России по «частному иранскому вопросу», по мнению ряда влиятельных аналитиков, отражала более фундаментальные (но скрытые от поверхностного взгляда) противоречия между Москвой и Вашингтоном в сфере общих подходов к нераспространению ОМУ. В середине 2000-х годов Россия сделала несколько шагов в русле стратегии контрраспространения, разработанной администрацией Дж. Буша. К примеру, летом 2004 года Россия заявила, что присоединяется к учрежденной в 2003 году американской Инициативе в области нераспространения (Proliferation Security Initiative – PSI), в рамках которой предполагалось отслеживать и перехватывать нелегальные поставки ОМУ по всему миру. После изначальных колебаний о правомерности таких действий Россия присоединилась к этому проекту, поскольку он отвечал целям ее собственной политики безопасности.

Это и ряд других встречных действий сторон в сфере нераспространения, однако, не сняли глубинных расхождений между США и Россией, проанализированных, например, экспертами вашингтонского Центра стратегических и международных исследований. По мнению этих специалистов, Россия полагала, что большинство проблем, вносимых Вашингтоном в повестку дня международного режима нераспространения, на деле представляли серьезную угрозу лишь интересам Соединенных Штатов и не затрагивали в той же или близкой степени безопасность России. Соответственно, меры, предлагаемые Соединенными Штатами, рассматривались в Москве как далеко не полностью отвечающие интересам России. Если США своим поведением вызвали неприятие многих потенциаль-

ных союзников в деле нераспространения и загнали в угол наиболее опасных пролиферантов, то Вашингтон должен быть готовым в полной мере «заплатить по соответствующим счетам», взяв на себя основной груз деятельности по контрраспространению⁴⁸.

Упомянутые фундаментальные расхождения означают, что Соединенным Штатам не удалось за прошедшие полтора десятилетия реализовать свою «мягкое» влияние в сфере «нераспространенческой проблематики» российско-американских отношений. Коды, которыми здесь пользовалась Россия, чтобы расшифровывать импульсы, исходившие от США и их ближайших союзников, существенно отличались от американских. При этом даже использование «жесткой» силы (санкции против Ирана, прямое давление на российские власти и увязки «иранской проблемы» с другими сюжетами российско-американских отношений в 1990-е годы, санкции против российских компаний, сотрудничающих с Ираном) не принесло Вашингтону ощутимых результатов. Сотрудничество с Ираном в ядерной области на протяжении последнего десятилетия оставалось одним из наиболее последовательных элементов внешнеполитической линии российского руководства – как при Б.Н. Ельцине, так и при В.В. Путине. Российские требования к Тегерану стали ужесточаться только после демонстративного пренебрежения иранским руководством российскими интересами и явных попыток Ирана «поссорить» Россию с другими крупными игроками на поле иранской ядерной программы.

Война в Ираке – еще один пример расхождений в прочтении ситуации между Россией и США. В глазах России она не являлась элементом глобальной войны с терроризмом. По мнению значительной части российского руководства и широких слоев населения, иракская кампания была направлена на установление американского контроля за нефтяными ресурсами Ближнего Востока. Большинство ведущих российских политиков были в первую очередь обеспокоены тем, что подготавливая вторжение в Ирак, Соединенные Штаты действовали в обход Совета Безопасности ООН, тем самым формируя такой международный порядок, в котором военная мощь единственной сверхдержавы позволяет ей безнаказанно совершать любые действия. В российской системе координат война в Ираке имела явное сходство с операцией НАТО против Югославии в 1999 году: в обоих случаях мнение ООН проигнорировали, провели вторжение в небольшую относительно слабую стра-

⁴⁸ Celeste A. Wallander. Geopolitics and Neo-Containment, as well as Common Security: Russian Views on Proliferation // PONARS Policy Memo No. 371. December 2005 (http://www.csis.org/media/isis/pubs/pm_0371.pdf).

ну, при этом «Запад» действовал в качестве самопровозглашенного международного судьи и исполнителя наказаний в одном лице. Представители определенной части американского политического истеблишмента и населения также находили сходство между Ираком и Югославией, однако по совсем другим причинам. Некоторые либералы оправдывали обе операции нарушениями прав человека в обеих странах, против которых велась война. В американском дискурсе по Ираку практически отсутствовал код, соответствующий российской системе координат.

Тем не менее российское руководство четко дало понять своим американским коллегам, что противоречия по поводу Ирака совсем не обязательно должны были подорвать сотрудничество России с США в войне с терроризмом – именно потому, что война в Ираке, как полагали в России, не являлась частью данной войны. В этом содержится пример ситуации, в которой использование различных кодов облегчило преодоление противоречий, поскольку одна из сторон могла без потери лица вынести спорный вопрос за скобки сотрудничества. Данная сторона просто дала понять, что «спорный вопрос к общему делу не относится».

Российско-американские разногласия по поводу войны в Ираке отражали расхождение взглядов на роль Совета Безопасности ООН в мировой политике. В отличие от собственно иракской проблемы, ООН воспринималась обеими сторонами сквозь призму сходных кодов, однако в «контргегемоническом» прочтении. Для России постоянное место в Совете Безопасности ООН являлось одной из немногих составляющих ее статуса «великой державы». Оно давало России голос и право вето по всем важным проблемам международных отношений. В этом смысле российская позиция была похожа на китайскую или французскую. Москва, Пекин и Париж понимали, что Соединенные Штаты были не слишком заинтересованы в поддержании влияния и престижа Совета Безопасности. Вашингтон мог иногда действовать через СБ ООН, однако при необходимости начинал решать свои проблемы в одностороннем порядке или с привлечением партнеров в «коалиции по случаю».

В целом, российский и американский коды восприятия войны в Ираке снова оказались различными, однако обе стороны в прагматичном духе смирились с этим обстоятельством. Россия, во-первых, вывела иракскую проблему из контекста совместной борьбы с терроризмом. Во-вторых, в Москве, очевидно, полагали, что военное присутствие США в Ираке не так уж и противоречило российским интересам. На протяжении трех лет после окончания военной кампании США в Ираке российское руководство старалось воздерживаться от оценок и критики деятельности американцев и других

членов коалиции, пытавшихся реализовать проект строительства постсаддамовской иракской нации. Это не означало, однако, что российские коды интерпретации интервенции или послекризисного урегулирования сблизались с американскими под воздействием «мягкого» влияния или «жесткой» силы США.

Одним из важнейших направлений внешней политики президента Клинтона было *распространение демократии за пределами США*. Многие американские эксперты по России предлагали сделать демократизацию центральным направлением американской политики в отношении России. Например, эксперт Института Гувера при Стэнфордском университете Майкл Макфол утверждал, что демократия в России является необходимым условием успешного развития американо-российского сотрудничества⁴⁹. Даже после 11 сентября 2001 года он продолжал настаивать, что партнерство с Россией зависит от успеха российской демократии и что Соединенным Штатам следовало продолжать подталкивать Россию в этом направлении⁵⁰. М. Макфол повторил свои тезисы в выступлении перед Комитетом по международным отношениям Палаты представителей Конгресса США в конце октября 2001 года: «Россия только тогда станет полноценным союзником США, когда она превратится в полноценную демократию»⁵¹.

Мнение о том, что только демократическая Россия не будет представлять угрозу Соединенным Штатам была очень популярной в США в 1990-е годы и в дальнейшем оставалась признанной истиной в либеральных кругах⁵². Тем не менее по ряду причин, данная логика не «работала» таким образом, как это утверждается сторонниками теории «демократического мира». *Во-первых*, сложно поверить, что укрепление демократии в России само по себе было способно изменить российские коды интерпретации международных отношений. В любом случае россияне не стали бы рассматривать под иным углом зрения такие сюжеты, как роль ООН в мировой политике, расширение НАТО, гуманитарные и другие интервенции, противоракетная оборона, борьба за влияние на постсоветском пространстве, политика в отношении так называемых злонамеренных государств или война в Ираке. Усо-

⁴⁹ См., например: Washington Post. March 3, 2000.

⁵⁰ The New York Times. May 20, 2002.

⁵¹ См.: *Michael McFaul*. U.S.-Russia Relations after September 11, 2001 // Johnson's Russia List. No 5507. 25.10.2001 (<http://www.cdi.org/russia/johnson/5507-10.cfm>).

⁵² См., например: *Andrew Kuchins*. Democracy and War // The Moscow Times. 10.02.2004; *James Goldgeier, Michael McFaul*. Russia's No Democracy. So What? // Washington Post. April 9, 2006.

вершенствование избирательного процесса, укрепление гражданского общества, укоренение эффективных законов и судебных практик и снижение уровня коррупции в России совсем не обязательно должно было привести к снятию разногласий между российскими и американскими представлениями о принципах, лежащих в основе международной системы. С другой стороны, ничто не давало оснований полагать, что перемены российского внешнеполитического курса, инициированные президентом Путиным в 2001–2002 годах, в какой-либо степени обусловлены эволюцией российской демократии.

Во-вторых, термин «демократическая страна» по сути описывает лишь идеальный тип государственного устройства – особенно в применении к переходным странам, в которых элементы демократии и авторитаризма существуют бок о бок. Имеется обширная научная литература, доказывающая, что восприятие типа политического режима зависит от многих факторов, включая экономические интересы и интересы безопасности оценивающего субъекта, а также международное поведение страны, чей режим подвергается оценке. Американский политолог Себастиан Росато утверждал, что «данное восприятие порождается причинами, в число которых не входит объективная природа режимов иностранных государств»⁵³. Енр коллега Джон Оуэн показал, что, хотя политическая система США на протяжении XIX века эволюционировала в сторону либерализма, другими государствами она воспринималась как далеко не либеральная⁵⁴. Другие ученые не нашли убедительных доказательств тому, что общие либерально-демократические ценности якобы помогли разрешить множество кризисов в американо-британских отношениях. Более того, взаимные представления о либеральном характере политической системы партнера постоянно менялись на протяжении XIX века и зависели от стратегических расчетов сторон⁵⁵. Таким образом, можно утверждать, что восприятие типа режима зависит от многих кодов, имеющих отношение далеко не только к «объективным» показателям уровня демократичности.

⁵³ *Sebastian Rosato*. The Flawed Logic of Democratic Peace Theory // *American Political Science Review*. November 2003. Vol. 97. No 4. P. 593.

⁵⁴ См.: *John Owen*. *Liberal Piece, Liberal War: American Politics and International Security*. Ithaca: Cornell University Press, 1997. P. 593.

⁵⁵ См.: *Stephen Rock*. *Anglo-US Relations, 1845-1930: Did Shared Liberal Values and Democratic Institutions Keep the Peace?* // *Paths to Peace: Is Democracy the Answer?* / Miriam Fendius Elman (ed.). Cambridge, MA: MIT Press, 1997; *Sebastian Rosato*. *Op. cit.* P. 592–593.

Американская поддержка развитию демократии за пределами США может рассматриваться как подтверждение постоянной эволюции и переопределения назначения своей внешней политики самими Соединенными Штатами. Эта политика направлена Соединенными Штатами на себя в той же степени, что и на других. Демократические институты лежат в основе внутривнутриполитической идентичности американцев, и этот факт утверждается посредством внешнеполитических мер содействия демократизации других государств.

В начале 1990-х годов Россия довольно легко принимала подобную деятельность США. Это было показателем того, что Россия находилась на первой стадии своей эволюции как получателя сигнала под воздействием его отправителя. Российские лидеры воспринимали американские сигналы в качестве истины в последней инстанции. Советское наследие имело в их глазах крайне низкую оценку и было связано с воспоминаниями о неприятном прошлом. С тех пор российские представления претерпели радикальные изменения. В российском внутривнутриполитическом дискурсе ценности политической стабильности и порядка получили приоритет над демократией. Последняя стала все более ассоциироваться с хаосом, распадом государства и обогащением узкого круга людей в результате преобразований начала 1990-х годов. В рамках российского мирополитического дискурса американская политика содействия демократизации воспринималась лишь как «дымовая завеса» жесткого отстаивания национальных интересов США. Критика соблюдения прав человека и состояния демократических институтов в России рассматривалась в качестве лицемерного давления, на самом деле порождаемого озабоченностью американцев по поводу усиления России после прихода к власти президента Путина. В том же контексте воспринимались в России американские высказывания по поводу нарушений прав человека в Чечне. Значительной части россиян представлялось, что другие государства завышали стандарты, использовавшиеся при оценке России.

В 2004–2006 годах в российском внутривнутриполитическом дискурсе наметился поворот к особенно резкому неприятию критических замечаний США в отношении демократичности российской системы государственного управления. Отчасти подобный поворот был обусловлен возвратом к консервативной трактовке концепции государственного суверенитета (чем-то напоминающей подход к данной проблематике советского руководства времен подписания Хельсинкского акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе – см. выше). С другой стороны, Вашингтон наглядно продемонстрировал собственную приверженность «двойным стандар-

там» в сфере защиты прав человека. Тем, на кого была направлена критика американской администрации, достаточно было указать на ситуацию, сложившуюся в тюрьмах Гуантанамо и Абу-Грейб, сослаться на просочившуюся в прессу информацию о «секретных тюрьмах» Центрального разведывательного управления США в Центральной и Восточной Европе. Можно также сказать и о пытках подозревавшихся в терроризме лиц в странах, куда США передавали этих заключенных с полным пониманием последствий такого шага для подозреваемых. Отказываясь соблюдать элементарные права и свободы населения «американских протекторатов», Соединенные Штаты теряли право критиковать другие государства за несоблюдение прав человека на их территории.

Таким образом, подобная критика со стороны Вашингтона в российском коде прочитывалась в качестве попытки подорвать устойчивость российской государственности при использовании «нечестных», построенных на «двойных стандартах» приемов. Для Соединенных Штатов, как уже было отмечено, риторика «прав человека» являлась неотъемлемой частью кода их государственной идентичности, одна из основ которой – стремление распространять ценности и институты американской демократии на другие страны мира. Сближение данных кодов под воздействием американской «мягкого» влияния или вследствие каких-либо иных обстоятельств не произошло на протяжении полутора десятилетий после распада СССР; при этом в середине 2000-х годов расхождение интерпретационных кодов в данной сфере увеличилось. Чем «традиционнее» (т.е. жестче) были посылаемые американцами импульсы, тем крепче «цементировался» разрыв между российскими и американскими кодами.

Конкуренция и сотрудничество на постсоветском пространстве

О бильную пищу для размышлений о способности «мягкого» влияния США менять российскую систему кодов восприятия российско-американских отношений дает *опыт взаимодействия между двумя странами на постсоветском пространстве*.

Американское военное присутствие в Центральной Азии и программа «Обучи и оснасти», проводившаяся США в Грузии, были примерами того, когда Россия и США интерпретировали происходящее в весьма близких кодах. Тем не менее ряд дополнительных кодов, применяемых сторонами при решении проблем в этих странах и регионах, ощутимо различался.

По всей видимости, в российском руководстве изначально существовали различные точки зрения на появление американских войск в Центральной Азии в 2001 году. Тем не менее в конечном итоге США получили согласие России. Это может быть объяснено четырьмя причинами. *Во-первых*, в России видели, что Соединенные Штаты не остановятся ни перед чем, чтобы нанести удар по базам террористов на территории Афганистана в ответ на террористические акты 11 сентября. Подобный ответ очевидным образом требовал развертывания американских контингентов в Центральной Азии⁵⁶. *Во-вторых*, Россия, очевидно, обладала ограниченным влиянием на Узбекистан, и у нее не было достаточных возможностей, чтобы помешать американо-узбекскому соглашению о базе «Ханабад», даже если бы Москва хотела это сделать. *В-третьих*, президент Путин решил использовать сложившуюся после 11 сентября 2001 года новую ситуацию, чтобы достичь прорыва в отношениях с Соединенными Штатами. А сопротивление американским намерениям в Центральной Азии в тот момент могло бы существенно осложнить решение этой задачи. *В-четвертых*, Россия усматривала свой собственный ясный интерес в уничтожении баз «Аль-Каиды» и разгроме движения «Талибан» на афганской территории. Успех американской операции мог бы существенно облегчить борьбу с террористами в Чечне и наркокурьерами – на таджикско-афганской границе.

Несмотря на все эти соображения, решение России согласиться с американским военным присутствием в Центральной Азии стало непростым шагом. Российским условием был временный

⁵⁶ См.: *Bob Woodward. Bush at War. New York: Simon & Schuster, 2002.*

характер этого присутствия, которое должно было использоваться только для стабилизации ситуации в Афганистане. Тем не менее к 2004 году стало ясно, что «временное» может также означать «долгосрочное». Несмотря на такой поворот, российское руководство постаралось продемонстрировать, что присутствие военных контингентов США в Центральной Азии было проведено с одобрения России. Весной 2004 года министр обороны России С.Б. Иванов заявил: «После 11 сентября наш президент связался с лидерами нескольких государств и рекомендовал допустить размещение американских баз на их территориях в целях поддержки операции в Афганистане. Мы понимаем, что они могут оставаться там в течение всего периода операции и что их присутствие может носить долгосрочный характер»⁵⁷. В России также признавали, что американское присутствие может продлиться дольше, чем того потребует ситуация в Афганистане. Обсуждая данный вопрос, первый заместитель министра иностранных дел В.И. Трубников признал: «Контекст понятен: там проводится антиталибская операция. Мы исходим из того, что нам говорят американцы: “Мы уйдем, когда она закончится”. Однако они этого не сделают». Трубников также пояснил, почему Россия не будет заинтересована в продолжении американского присутствия: «Думаю, что присутствие в регионе каких-либо внешних государств, будь то США или Китай, нас не устроит. Это сфера наших жизненных интересов. Есть вполне определенные пределы»⁵⁸.

Разногласия между Россией и США в их подходах к американскому военному присутствию в Центральной Азии были связаны с расхождениями в общих взглядах на регион. Видение американцами постсоветских государств, особенно в Центральной Азии, описывалось двумя видами кодов. Первый – это глобальная война с терроризмом. Второй – продолжение поддержки американцами полной независимости и суверенитета этих стран. Это неизбежно принимало форму поддержки их «реальной» независимости от России. Администрация Клинтона видела в странах Евразии прежде всего государства, переживающие переход из советского прошлого к рыночной экономике и демократии. Главный акцент в отношениях с этими странами в 1990-е годы Вашингтон делал на поддержке их демократизации и независимости. В первый срок администрации Буша основными движущими силами политики США в регионе стали война с терроризмом и необходимость передового военного базирования в отдаленных от территории США частях мира.

⁵⁷ Известия. 2004. 9 апреля.

⁵⁸ Независимая газета. 2004. 12 мая.

Вместе с тем, Вашингтон сохранял озабоченность стремлением России поставить заслон американскому влиянию и восстановить свою роль в регионе при помощи политического давления.

Соединенные Штаты воспринимали самих себя в качестве антиимперской силы, возникшей в результате освобождения от статуса британской колонии в XVIII веке. Многие американцы смотрели на дезинтеграцию СССР как на распад империи. Соответственно, в российской политике в регионе они были склонны видеть попытки восстановить эту империю или, по крайней мере, навязать волю бывшей имперской державы свободолюбивым народам на постсоветском пространстве. Термин «независимость» стал удобным инструментом внешнеполитической риторики, придавшим необходимое идейное обоснование действиям, которые в ином случае были бы истолкованы в терминах теории политического реализма. Поддержка более слабого государства перед лицом угрозы его поглощения или подчинения сильным государством – стандартная стратегия «баланса сил», описанная теоретиками реализма. В рамках такого анализа на самом деле не важно, какие политические силы – коммунисты или либералы – находились бы у власти в России. Главная проблема – превосходство России в силе над другими государствами Евразии. Соединенные Штаты продемонстрировали решимость в предотвращении попыток России стать региональным гегемоном. Американское лидерство на международной арене не совместимо со стремлением региональных держав сохранить свободу рук в соответствующих зонах своего влияния. Именно поэтому российская политика в Евразии, часто воспринимавшаяся как воплощение российского стремления к гегемонии, стала крупной проблемой российско-американских отношений.

В отличие от времен президентства Клинтона, в первые годы администрации Буша интерес США к «ближнему зарубежью» России уже не определялся желанием ограничить приписываемые России неоимперские амбиции. Главная цель американцев, в особенности в отношении Центральной Азии, стала иной: обеспечить возможность размещения передовых баз для борьбы с исламским экстремизмом и, принимая во внимание возможное нарастание конкуренции с Китаем, закрепитесь на западных рубежах последнего. Такой подход вызывал в России меньшую озабоченность, чем ситуация 1990-х годов. В официальной «Стратегии национальной безопасности США» 2002 года проблемы постсоветского пространства затрагивались лишь походя – в связи с необходимостью обеспечить процветание и безопасность соседних с Россией регионов дабы облегчить ее интеграцию в евроатлантические стру-

ктур⁵⁹. В этом отношении предыдущая официальная «Стратегия национальной безопасности в эпоху глобализации» 2000 года выглядела совсем по-другому. В ней целая страница была отведена рассуждениям об «исторической трансформации» новых независимых государств⁶⁰.

Российский подход также проистекал из двух кодов, заложенных в российской внешнеполитической стратегии. Первый из них заключался в представлении о том, что государства – бывшие советские республики являются естественной исключительной зоной российского влияния, поскольку России по праву принадлежит место регионального лидера в пространстве, связанном с ней общими историческими и культурными корнями. Второй код – цели российской политики безопасности, главной из которых стала борьба с терроризмом, особенно в регионе Центральной Азии. Таким образом, очевидно, что борьба с терроризмом создала почву для российско-американского сотрудничества на постсоветском пространстве, в то время как различия в подходах к должной внешнеполитической ориентации новых независимых государств стимулировали конкуренцию между Россией и США.

С точки зрения семиотики, если бы российско-американские трения были простым отражением противоборства великих держав, обе стороны взаимодействовали бы в едином или схожем коде, но прочитывали бы действия друг друга «контрегемоническим» образом. Ситуация, однако, выглядит сложнее и позволяет утверждать, что две стороны «интерпретировали» регион в несколько различных кодах. Существенная часть российской общественности и политической элиты рассматривала «ближнее зарубежье» как общее историческое и культурное пространство, в которое пытались «вмешиваться» американцы.

На представления российской элиты о постсоветском пространстве оказали влияние несколько факторов, тесно связанных с коллективной идентичностью России. Во-первых, Российская империя и ее последователь Советский Союз представляли собой монолитное континентальное пространство – империю, схожую с Габсбургской и Оттоманской⁶¹. Между центром и периферией отсутствовали естественные границы. География играла

⁵⁹ The National Security Strategy of the United States of America, 2002. P. 27.

⁶⁰ A National Security Strategy for a Global Age, 2000. P. 44–45.

⁶¹ Сравнительный анализ Советского Союза, с одной стороны, и Российской, Оттоманской и Габсбургской империй см. в: *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building* // Karen Barkey, Mark von Hagen (eds.). Boulder: Westview Press, 1997.

важную роль в формировании российской идентичности, фундаментальным признаком которой было сочетание этнической и имперской компонент⁶².

Вторым обстоятельством, повлиявшим на формирование российских геополитических представлений, стала размытость культурных, лингвистических и исторических различий между Россией, Беларусью и Украиной, что привело к неопределенности границ между ареалами расселения россиян и других восточных славян⁶³.

Третьим фактором стало представление о «советском народе» и та реальность, которая подкрепляла это понятие. Члены смешанных семей, люди, жившие за пределами своей «исторической родины», а также русские из крупных (космополитичных) городов в наибольшей степени разделяли это представление. Русские принимали его более охотно, чем представители других этнических групп, поскольку «быть советским человеком» означало говорить на русском языке и признавать «цивилизаторскую миссию» русской культуры, а также ее экстерриториальный характер на всем пространстве СССР.

В целом, российское «ближнее зарубежье» воспринималось россиянами иначе, чем американцами. Для России эти страны не часть глобализированного мира, а ближайшие соседи, входящие в

⁶² Ричард Пайпс, Роман Шпорлук и Ричард Саква утверждали, что Российская империя образовалась до появления современной национальной идентичности россиян. См.: *Richard Pipes*. Introduction: The Nationality Problem // *Handbook of Major Soviet Nationalities* / Zev Katz (ed.). New York: Free Press, 1975. P. 1; *Richard Pipes*. Is Russia Still an Enemy? // *Foreign Affairs*. September/October 1997. Vol. 76. No 5. P. 68; *Roman Szporluk*. Communism and Nationalism. Karl Marx versus Friedrich List. New York: Oxford University Press, 1988. P. 206; *Richard Sakwa*. Russian Politics and Society. New York: Routledge, 1993. P. 101. Более того, Джеффри Хоскинг показал, что российская элита была более заинтересована в расширении границ империи, чем в укреплении чувства национальной общности. См.: *Geoffrey Hosking*. Russia: People and Empire. Cambridge: Harvard University Press, 1997. Данный вопрос также обсуждается в: *Igor Zevelev*. The Redefinition of the Russian nation, International Security, and Stability // *Russia in the New Century: Stability or Disorder?* / Victoria Bonnell, George Breslauer (eds.). Boulder: Westview Press, 2001 P. 33–39.

⁶³ Анализ различных историографических традиций по этому вопросу приведен в: *Hugh Seton-Watson*. Russian Nationalism in Historical Perspective // *The Last Empire: Nationality and the Soviet Future* / Robert Conquest (ed.) Stanford: Hoover Institution Press, 1986. P.15–17. Также см.: *Roman Szporluk*. The Fall of the Tsarist Empire and the USSR // *The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective* / Karen Dawisha, Bruce Parrott (eds.). London: M. E. Sharpe, 1997. P. 70–71; *Миллер А.* «Украинский вопрос» в политике властей и общественном мнении (вторая половина XIX в.). С-Петербург: Алетейя, 2000; *Igor Zevelev*. Russia and Its New Diasporas. Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 2001. P. 277–285.

единое с Россией цивилизационное пространство и имеющие общую с ней историю. В 1990-е годы многие россияне с трудом понимали, что политика США в отношении постсоветских государств могла быть основана не только на вполне конкретных прагматических соображениях, но и на довольно абстрактных идеях, в том числе описывающих коллективную идентичность американцев. Ценности демократии и свободного рынка не знают границ и расстояний и применяются безотносительно культурных различий, а также исторических или географических особенностей. Последователи У. Клинтона ожидали, что либеральная демократия в скором времени пустит прочные корни на евразийском пространстве. После окончания холодной войны Соединенные Штаты продолжили политику проецирования собственной идентичности на мир. История этой политики исчисляется десятилетиями. В рамках либерально-глобалистских представлений Центральная Азия соседствовала с США в той же степени, что и с Россией. Российское «ближнее зарубежье» воспринималось американцами как их собственное «ближнее зарубежье», поскольку весь мир располагался по соседству с единственной глобальной державой.

В первые годы президентства В.В. Путина в России и Дж. Буша в США коды, использовавшиеся Россией при интерпретации ситуации на постсоветском пространстве, постепенно изменялись. Данный процесс подстегивался американской политикой в регионе. «Секьюритизация» российского восприятия Центральной Азии произошла в конце 1990-х годов, операция США в Афганистане и западное военное присутствие в регионе, развернутое после 11 сентября 2001 года, дали дополнительные аргументы сторонникам этого подхода. Ощущение того, что бывшие советские государства были ареной для соревнования за лидерство и возможность проецировать силу, имелось в российском мировосприятии с середины 1990-х годов, однако размещение американских контингентов в Центральной Азии и военно-техническое сотрудничество США с Грузией в огромной степени усилили данное опасение.

Есть достаточно оснований утверждать, что в 2001–2004 годах Россия и США придерживались одинаковых или сходных кодов при анализе проблем постсоветского пространства. Таким образом Россия прочитывала американские действия, особенно в сфере борьбы с терроризмом. Как Москва, так и Вашингтон смотрели на Центральную Азию и Кавказ сквозь призму концепций безопасности. В первые годы президентства В.В. Путина российский подход стал менее эмоциональным и более прагматичным. Хотя Россия не была довольна растущим вовлечением США в дела этих регионов, в Москве хорошо понимали язык силы, влияния и конкуренции. В

то же самое время прежние коды, выработанные в 1990-е годы, полностью не исчезли. В то время американская сторона применяла к этим регионам концепции переходности и независимости, в то время как Россия смотрела на них сквозь призму общего историко-культурного наследия и экономической интеграции постсоветского пространства. Бывшие советские республики представляли собой «разные миры» для У. Клинтона и Б.Н. Ельцина. В начале первого срока своего президентства Дж. Буш и В.В. Путин стали воспринимать эти регионы как арену соревнования с элементами партнерства в сфере безопасности.

Переизбравшись на высший государственный пост в 2004 году, российский и американский лидеры еще более «секьюритизировали» повестку дня отношений в Центральной Азии, как и во всем российском «ближнем зарубежье». Однако в 2005–2006 годах новые аспекты политики безопасности сторон на этом пространстве стали носить жестко конкурентный характер. Совместная борьба с терроризмом, похоже, отошла на второй план – по крайней мере, в качестве широко обсуждаемой публично повестки дня российско-американских отношений в соседних с Россией регионах. На ее место вышли вопросы, связанные с так называемой энергетической безопасностью – понятием, в которое руководители Соединенные Штаты и России явно вкладывали разный смысл.

Для Вашингтона, как одного из крупнейших мировых импортеров углеводородного сырья, энергетическая безопасность заключалась в первую очередь в стабильных поставках углеводородов по предсказуемым (не обязательно очень низким) ценам. Кроме того, американское руководство акцентировало внимание на опасности увязки поставок или транзита энергоносителей (как на мировые рынки в целом, так и в США в частности) с иными аспектами отношений экспортеров сырья (в первую очередь, таких как Россия, Иран или Венесуэла) с импортерами (странами Запада). Такого рода увязки американская администрация называла «использованием “энергетического оружия” в политических целях» и подвергала резкой критике. США традиционно отстаивают принципы свободного рынка в торговле энергоносителями, в то время как Россия, по крайней мере в области торговли природным газом, предпочитает долговременные контракты с фиксированными ценами.

Под огонь подобных обвинений со стороны Вашингтона попал российский «Газпром», сокративший в начале января 2006 года на несколько суток объем подачи газа в трубопровод, соединявший российские газовые месторождения с европейскими потребителями через территорию Украины. Официальные лица и многие эксперты в США интерпретировали такой шаг российской стороны в

качестве меры политического давления на Киев, который в своей внешней политике и официальной риторике перешел на более конфронтационную линию в отношениях с Москвой после прихода к власти президента Ющенко в начале 2005 года.

С американской стороны также раздавались призывы допустить больше частных инвестиций в нефтедобычу и транспортировку нефти и газа на российской территории. Например, подвергались критике попытки России обеспечить эксклюзивные права на поставку центральноазиатского газа на мировые рынки через систему принадлежащих «Газпрому» газопроводов на территории Центральной Азии и России. Соединенные Штаты с большим опасением воспринимали растущую зависимость союзников Вашингтона в Западной, Центральной и Восточной Европе от российских нефти и газа, поскольку подозревали Москву в намерении «конвертировать» энергопоставки в эффективное влияние на внутреннюю и внешнюю политику стран-импортеров. В глобальном же масштабе отражением этой позиции Соединенных Штатов стал их скептицизм по поводу претензий России на статус «энергетической сверхдержавы», поскольку, по мнению Вашингтона (привыкшего получать энергетическое сырье с зависящих от него в военном и политическом отношении Ближнего Востока и Латинской Америки), в отношении купли-продажи любого товара на мировом рынке недопустимо привносить соображения политического характера.

Со своей стороны, Москва хорошо понимала код, в котором Соединенные Штаты трактовали американскую и мировую энергетическую безопасность. Россия также указывала на необходимость обеспечения стабильных, не зависящих от политической конъюнктуры поставок энергетических ресурсов на мировые рынки. При этом в российском «контргегемоническом» прочтении «энергетическая безопасность» по понятным причинам подразумевала «справедливую» (скорее высокую, чем низкую) цену на энергоносители. Кроме того, чтобы обеспечить получение жителями России справедливой доли дохода от эксплуатации природных недр их государства, российское руководство настаивало на праве России сохранять в государственной собственности контрольные пакеты акций крупнейших добывающих компаний и стопроцентно контролировать газо- и нефтепроводы на российской территории. Оно ссылалось на соответствующий опыт регулирования энергетической отрасли в Норвегии и государствах Персидского залива⁶⁴. Иными

⁶⁴ См., например, статью бывшего министра топлива и энергетики РФ В.И. Калужного в книге: *Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy* / Jan H. Kalicki, David L. Goldwyn (eds.). Washington, DC: WWIC Press, JHU Press, 2005. P. 192.

словами, руководство России и высшие менеджеры энергетических компаний призывали зарубежных (в том числе американских) инвесторов вкладывать деньги в российский энергетический сектор под гарантии политического руководства страны, которые не вызывали полного доверия у западных бизнесменов, ссылавшихся на возможные изменения «правил игры» в деловой сфере, связанные с колебаниями политической конъюнктуры.

Самым же конфликтным аспектом энергетической повестки дня российско-американских отношений, напрямую проецировавшимся на постсоветское пространство, стал вопрос об «энергетическом оружии». Россия отрицала само это понятие как нагруженное заведомо официальным смыслом и указывала на отсутствие политических мотивов в таких действиях, как повышение цен на газ для Украины и других государств СНГ или строительство Североевропейского газопровода, который должен был «обойти» территорию соседей России на пути к западноевропейским потребителям. В Москве говорили о праве компаний-экспортеров адаптировать ценовую политику к меняющимся условиям рынка, но одновременно давали понять, что условия сотрудничества с Россией в сфере энергетики могут зависеть от дружелюбности российских отношений с данной страной. Российские руководители также выступали со встречной критикой «политизации» экономических отношений на внутренних рынках ряда европейских государств. Например, в апреле 2006 года президент Путин посетовал на препятствия, которые власти Великобритании чинили проекту приобретения «Газпромом» британской газораспределительной компании «Центрика» по необъяснимым в условиях глобальной экономики политическим соображениям⁶⁵.

При всей конфликтности повестки дня «энергетической безопасности» в российско-американских отношениях главным источником противоречий на пространстве СНГ стала новая политика американских неоконсервативных лидеров по напористому распространению демократических форм правления. Противоречия в данной сфере проистекали из-за расхождения кодов интерпретации американских намерений в отношении соседних с Россией государств. Вашингтон продолжал утверждать, что демократические режимы в наилучшей степени способны реализовывать цели экономического развития государств, обеспечивать порядок и социаль-

⁶⁵ См.: Пресс-конференция Президента России Владимира Путина и Федерального канцлера ФРГ Ангелы Меркель по итогам российско-германских межгосударственных консультаций. Томск, 27 апреля 2006 года (http://www.kremlin.ru/appears/2006/04/27/1926_type63377type63380_105107.shtml).

ную справедливость, а также проводить миролюбивую внешнюю политику. Москва же усматривала в попытках демократизации постсоветского пространства «дымовую завесу» для изменения внешнеполитической ориентации режимов соседних с Россией стран на проамериканскую – в первую очередь с прицелом на энергетические и транзитные ресурсы этих государств.

Второе (после эпохи президента Клинтона) издание американской стратегии «расширения зоны демократии», похоже, в значительной степени стало следствием экстраполяции аргументов, оправдывавших операцию по смещению режима Саддама Хусейна в Ираке. Акцент на смену диктаторского режима в Ираке как цель всей кампании американская администрация начала делать после того, как стало сомнительным наличие на территории Ирака арсенала оружия массового поражения. В 2003–2004 годах данная позиция была логичным образом распространена за пределы Ближнего Востока – в первую очередь на соседние с Россией регионы, где в это время дважды (в Грузии и на Украине) произошла смена власти под воздействием массовых протестных движений. Данные движения рассматривались американской администрацией в качестве воплощения антиавторитарных, демократических устремлений грузинского и украинского народов, наиболее социально активные представители которых нашли в себе силы подняться против государственных властей, манипулировавших общественным мнением и подтасовавших итоги президентских выборов.

Вместе с тем, как и при администрации Клинтона, объективно было бы ошибкой объяснять американскую политику поддержки демократии только стремлением Вашингтона «прикрыть» истинные мотивы распространения своего политического влияния и реализации экономических интересов. Помимо отстаивания прагматических интересов США, американское правительство усматривало собственную «высокую» миссию в сближении политических систем других государств с американской (доказавшей в глазах жителей США свою эффективность), поэтому партнерство США с недемократическими странами всегда воспринималось американской общественностью как элемент «компромисса с совестью». Соответственно, расширение круга надежных партнеров США традиционно сопрягалось Америкой с процессом демократизации. Опыт отношений Соединенных Штатов с посткоммунистическими государствами Центральной Европы, прошедшими на протяжении 1990-х годов болезненный путь политических и экономических реформ и затем ставшими более преданными союзниками США, чем «старые» западноевропейские партнеры по НАТО, казалось, подтверждал для Вашингтона истину: демократизируясь, государства од-

новременно становятся склонными к союзническим отношениям с Америкой, особенно если последняя закрепляет за собой роль основного гаранта их безопасности⁶⁶.

Россия же прочитывала «демократическую миссию» Америки в совсем ином коде. В Москве не были склонны трактовать борьбу политических сил на Украине и в Грузии как противостояние между авторитаризмом и демократией. В лице новых лидеров этих государств российское руководство видело скорее популистов, ловко разыгрывающих антироссийскую карту в отношениях с Западом. Соединенные Штаты же, по расхожему в России мнению, использовали стремление этих политиков к сближению с Западом для оказания нажима на Россию, намекая на возможность ее изоляции (политической, экономической, «визовой» и др.) в случае отказа учитывать американские интересы в таких сферах, как сотрудничество с Ираном или Китаем или режим поставок углеводородного сырья на мировые рынки.

Другим отражением различия в кодах прочтения региональной ситуации на постсоветском пространстве стали расхождения в трактовке дилеммы «демократия или стабильность». Драматизация этой дилеммы в российско-американских отношениях произошла после мартовского (2005) переворота в Киргизии и майского (2005) восстания в узбекском Андижане, жестоко подавленного узбекскими властями. Администрация Дж. Буша, по ряду признаков уже терявшая интерес к центральноазиатскому региону, прибегла к резкой критике руководства Узбекистана и потребовала, среди прочего, международного расследования андижанских событий. Вашингтон присоединился к точке зрения правозащитных организаций, утверждавших, что без демократических реформ в центральноазиатских государствах решение вопросов экономического развития и достижение политической стабильности попросту невозможны. В соответствии с этой точкой зрения, жесткие репрессии против оппозиции (как политической, так и религиозно окрашенной) неизбежно приводит к ее радикализации, чреватой масштабным социальным взрывом в авторитарном государстве⁶⁷.

В свою очередь, российская внешнеполитическая элита полагала, что, поскольку перспективы демократизации центральноази-

⁶⁶ См., например, квинтэссенцию «гибридной» реалистско-идеалистической интерпретации современной американской внешней политики в: *Макфол М.* Конец партнерства // Коммерсант. 2006. 11 мая. С. 8.

⁶⁷ См., например: *Uzbekistan: In for the Long Haul.* International Crisis Group Asia Briefing # 45. February 2006 (http://www.crisisgroup.org/home/index.cfm?action=logon&ref_id=3952).

атских государств в любом случае призрачны, а угроза дестабилизации под воздействием исламистов и наркобаронов весьма реальна, приоритет необходимо отдавать императиву стабильности – пусть даже последняя будет обеспечена жесткими репрессивными мерами коррумпированных и малоэффективных властей. Соответственно, Россия поддержала меры, предпринятые Ташкентом в отношении восставших, и, очевидно, сыграла немаловажную роль в принятии узбекским руководством решения об отказе Соединенным Штатам в праве базирования на аэродроме «Ханабад» под Ташкентом. Перед тем как узбекские власти огласили соответствующее решение, резолюция с предложением в адрес Вашингтона определиться с предельными сроками военного базирования в Центральной Азии была принята на саммите Шанхайской организации сотрудничества (с участием России, КНР и четырех центральноазиатских государств) в июле 2005 года. Россия дала однозначно понять, что в условиях «цветных революций» на постсоветском пространстве она была не намерена терпеть угрозу очередного переворота в одном из государств Центральной Азии под зачастую популистскими лозунгами «демократизации» и «привлечения к ответственности коррумпированных режимов».

Таким образом, в 1990-е годы (период президентства Б.Н. Ельцина и У. Клинтона) Россия и США воспринимали стратегию друг друга в отношении постсоветского пространства в различных кодах: концепция «ближнего зарубежья» для России и «демократизация постсоветского пространства» для США. С начала 2000-х годов (при президентах В.В. Путине и Дж. Буше) американский код приблизился к российскому: борьба с базами террористов и нарко-traфиком во всей Центральной Евразии. Однако волна «цветных революций» на постсоветском пространстве в середине 2000-х годов, во-первых, обострила противоречия, связанные с «контррегиональным» прочтением тех импульсов, которые стороны интерпретировали в сходном коде. Во-вторых, в вопросах региональной безопасности, которые и ранее воспринимались сторонами в различных кодах (в первую очередь, дилемма «демократия или стабильность»), события в Восточной Европе, Закавказье и Центральной Азии в 2004-2005 годах усилили расхождения в кодах, что привело к нарастанию противоречий в трактовке региональных тенденций и внесло вклад в ухудшение общего климата российско-американских отношений.

Заключение

Было бы неоправданно смелым шагом утверждать, что все аспекты и динамика российско-американских отношений могут быть объяснены при помощи методов семиотики. Во взаимодействии между Москвой и Вашингтоном, несомненно, имеются области (как функциональные, так и географические), в которых причиной расхождений является вовсе не недостаточное понимание «языка», на котором говорит собеседник, а объективное различие российских и американских интересов.

Как было показано, каждое конкретное решение принимается людьми, которые «оправдывают» его перед самими собой и объясняют другим на определенном языке, основанном на наборе интерпретационных кодов. Тем самым специфика интерпретационных кодов источника и получателя импульсов накладывает отпечаток на сферу «реальных действий», однако имеет место и обратная связь. Реальная политика приводит к «мутации» кодов, которые имеют большую устойчивость, однако могут меняться под воздействием сильных «стрессов» – как личных психологических, так и институциональных.

Для российского политического руководства и массового сознания таким стрессом стали две «волны разочарования» относительно готовности Запада к партнерству с Россией после 1991 года. Первая «волна» была вызвана ощущением недостаточности встречного движения Запада в направлении СССР периода горбачевской перестройки, а затем России начала 1990-х годов. В ответ на просьбы Москвы помочь российским реформам, высказанные устами тогдашнего министра иностранных дел А.В. Козырева, последовали нарочито резко сформулированная официальная концепция «геополитического плюрализма» на постсоветском пространстве, затем две антисербские военные кампании в бывшей Югославии и расширение НАТО. Вторую «волну разочарования» породили несбывшиеся надежды полноценного (пусть и не обязательно институционализированного) альянса России и США (НАТО) на ниве борьбы с терроризмом и распространением ОМУ в 2001–2002 годах.

Итогом полутора десятилетий отношений России с евроатлантическим сообществом стало формирование в России стойкого впечатления, что Запад изыскивает любые аргументы (включая самые надуманные), чтобы критиковать Россию и объяснять другим, но прежде всего самому себе, что сотрудничеству с Россией время еще не пришло. Это привело если не к «мутации» российских кодов в направлении, противоположном эволюции американских кодов,

то во всяком случае ограничило до минимума восприимчивость России к «мягкому» влиянию США. Данное влияние, как мы стремились показать выше, было направлено на сближение российской системы интерпретационных кодов в сфере международных отношений с американской.

Россия была склонна воспринимать «мягкое» влияние США как хорошо замаскированный способ принуждения. Разного рода концепции «структурного насилия» и «информационных войн» нашли отклик в России не только среди широких масс населения, не озабоченных необходимостью облекать свои мысли в логически выверенные и терминологически точные формулировки, но и среди ученых и экспертов, которые были, казалось, заморожены представлениями о возможности демобилизующего и потому разрушительного психологического воздействия на массы и политические элиты страны со стороны Запада. Степень сопротивления «мягкому» влиянию Соединенных Штатов в России оказалась весьма высокой.

Как показывает проведенный анализ, «мягкое» влияние США на Россию через воздействие на российскую систему кодов не принесло Соединенным Штатам желаемого результата. На протяжении полутора десятилетий после окончания «холодной войны» Россия продолжала прочитывать американские послания (как «тексты», так и действия) в «контррегемоническом» ключе. Из нашего анализа также следует, что более значимых достижений в реализации американских интересов на российском направлении Вашингтону удалось добиться посредством традиционного давления, или «жесткой» силы (чаще всего применявшейся в форме односторонних действий). Тем не менее, добиваясь результата с помощью «жесткой» силы, Соединенные Штаты сокращали действенность своего арсенала «мягкого» влияния в отношении России. Чем дальше им удавалось «продавливать» Россию по таким проблемам, как расширение НАТО, денонсация Договора по ПРО или участие России в разрешении конфликтов на постсоветском пространстве, тем меньше становилась вероятность дальнейшего сближения российских и американских интерпретационных кодов. Несколько драматизируя ситуацию, можно утверждать, что дальнейшее применение подобного подхода может привести к тому, что «мягкое» влияние США вообще потеряет всякий смысл – во всяком случае в отношениях с Россией. Перспективы трансформации российских кодов в такой ситуации будут практически сведены на нет.

Возможна или нет трансформация российских кодов в более благоприятных условиях – вопрос, требующий глубокого исследова-

дования. Однако можно с достаточной долей уверенности предположить, что долгосрочное стабильное партнерство между США и Россией требует сближения интерпретационных кодов двух сторон (не обязательно гуманитарных и политических ценностей, как полагает широкий круг специалистов в России и США). Такое сближение могло бы произойти не в порядке «перевоспитания» России Соединенными Штатами (целенаправленной попытки изменить российские коды), а обмена кодами или хотя бы их обсуждения. В противном случае российско-американские отношения останутся в ставшей уже традиционной ловушке: ни «мягкое» влияние, ни «жесткая» сила США, применяемые в одностороннем порядке, не приносят желаемого (хотя бы американскими идеалистами и российскими либералами) результата – долгосрочного партнерства России с США.

Краткая библиография

Документы

Концепция национальной безопасности Российской Федерации. 2000.

Концепция внешней политики Российской Федерации. 2000.

National Security Strategy of the United States of America. 2002.

National Security Strategy of the United States of America. 2006.

[U.S.] National Security Strategy for a Global Age. 2000.

Выступления официальных лиц

Пресс-конференция Президента России Владимира Путина и Федерального канцлера ФРГ Ангелы Меркель по итогам российско-германских межгосударственных консультаций. Томск. 2006. 27 апреля.

Обращение Президента России Владимира Путина. 2004. 4 сентября.

Интервью Президента России Владимира Путина итальянским информационному агентству АНСА, газете «Коррьере делла сера» и телекомпании РАИ. 2003. 3 ноября.

Ответы Президента России Владимира Путина на вопросы участников Делового саммита АТЭС. Бангкок, 2003. 19 октября.

Интервью Президента России Владимира Путина телеканалу «Аль-Джазира». Куала-Лумпур. 2003. 16 октября.

Интервью Президента России Владимира Путина американским телеканалом. Ново-Огарево. 2003. 20 сентября.

Совместная пресс-конференция Президента России Владимира Путина с Президентом США Джорджем Бушем. Санкт-Петербург. 2003. 1 июня.

Совместная пресс-конференция Президента России Владимира Путина с Премьер-министром Великобритании Энтони Блэйром. Ново-Огарево. 2003. 29 апреля.

Сурков В.Ю. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. Стенограмма выступления заместителя Руководителя Администрации Президента - помощника Президента РФ Владислава Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия». 2006. 7 февраля.

Address to IISS by US National Security Advisor, Dr Condoleezza Rice. June 26, 2003.

Мемуары

Примаков Е.М. Восемь месяцев плюс... М.: Мысль, 2001.

Примаков Е.М. Годы в большой политике. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999.

Монографии

Богатуров А.Д. «Стратегия перемалывания» в международных отношениях и внешней политике США. М.: Эдиториал УРСС, 2004.

Миллер А. «Украинский вопрос» в политике властей и общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000.

Троицкий М.А. Трансатлантический союз. 1991–2004. Модернизация американско-европейского партнерства после распада биполярности. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2004.

Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США. М.: Институт США и Канады РАН, 2002.

After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building / Karen Barkey, Mark von Hagen (eds.). Boulder: Westview Press, 1997.

David Campbell. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1992.

Umberto Eco. A Theory of Semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 1976.

Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy / Jan H. Kalicki, David L. Goldwyn (eds.). Washington, DC: WWIC Press, JHU Press, 2005.

Stuart Hall. Encoding/Decoding. Culture, Media, Language: Working Papers in Cultural Studies, 1972-79. London: Hutchinson, 1980.

Geoffrey Hosking. Russia: People and Empire. Cambridge: Harvard University Press, 1997.

Roman Jakobson. Closing Statement: Linguistics and Poetics // Thomas Sebeok (ed.). Style and Language. Cambridge, MA: MIT Press, 1960.

Robert Jervis. The Logic of Images in International Relations. Princeton: Princeton University Press, 1970.

Robert Jervis. Perception and Misperception in International Politics. Princeton: Princeton University Press, 1976.

Friedrich Kratochwil. Rules, Norms, and Decisions: On the Conditions of Practical and Legal Reasoning in International Relations and Domestic Affairs. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

- Joseph S. Nye, Jr.* The Paradox of American Power. Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. New York: Oxford University Press, 2002.
- Joseph S. Nye, Jr.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004.
- Olga Oliker, David Shlapak.* U.S. Interests in Central Asia: Policy Priorities and Military Roles. Santa Monica: RAND, 2005.
- John Owen.* Liberal Piece, Liberal War: American Politics and International Security. Ithaca: Cornell University Press, 1997.
- Charles Peirce.* Philosophical Writings of Peirce, Selected and Edited with an Introduction by Justus Buchler. New York: Dover Publications, 1955.
- Ilya Prizel.* National Identity and Foreign Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Richard Sakwa.* Russian Politics and Society. New York: Routledge, 1993.
- Roman Szporluk.* Communism and Nationalism. Karl Marx versus Friedrich List . New York: Oxford University Press, 1988.
- Roman Szporluk.* The Fall of the Tsarist Empire and the USSR // The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective / Karen Dawisha, Bruce Parrott (eds.). London: M. E. Sharpe, 1997.
- R.B.J. Walker.* Inside/Outside: International Relations as Political Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Cynthia Weber.* Simulating Sovereignty: Intervention, the State, and Symbolic Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Bob Woodward.* Bush at War. New York: Simon & Schuster, 2002.
- Igor Zevelev.* Russia and Its New Diasporas. Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 2001.

Статьи

- Кондаков А.Л.* Нефть. Тяготение к верхней границе ценового коридора // Международная жизнь. 2005. № 11. С. 106–113.
- Лавров С.В.* Россия в глобальной политике // Московские новости. 2006. № 7.
- Макфол М.* Конец партнерства // Коммерсант. 2006. 11 мая.
- Walter Carlsnaes.* The Agency-Structure Problem in Foreign Policy Analysis // International Studies Quarterly. September 1992. Vol. 36. No 3. P. 245– 270.
- Robert Dahl.* The Concept of Power // Behavioral Science. 1957. No 2. P. 201–215.

James Goldgeier, Michael McFaul. Russia's No Democracy. So What? // Washington Post. April 9, 2006.

Charles Hermann. Changing Course: When Governments Choose to Redirect Foreign Policy // International Studies Quarterly. March 1990. Vol. 34. No 1. P. 3–21.

Paul Kowert, Jeffrey Legro. Norms, Identity, and Their Limits: A Theoretical Reprise // The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics / Peter Katzenstein (ed.). New York: Columbia University Press, 1996.

Andrew Kuchins. Democracy and War // The Moscow Times. February 10, 2004.

Michael McFaul. U.S.-Russia Relations after September 11, 2001 // Johnson's Russia List. # 5507. January 25, 2001.

Richard Pipes. Introduction: The Nationality Problem // Handbook of Major Soviet Nationalities / Zev Katz (ed.). New York: Free Press, 1975.

Richard Pipes. Is Russia Still an Enemy? // Foreign Affairs. September/October 1997. Vol. 76. No 5.

Stephen Rock. Anglo-US Relations, 1845-1930: Did Shared Liberal Values and Democratic Institutions Keep the Peace? // Paths to Peace: Is Democracy the Answer? / Miriam Fendius Elman (ed.). Cambridge, MA: MIT Press, 1997.

Sebastian Rosato. The Flawed Logic of Democratic Peace Theory // American Political Science Review. November 2003. Vol. 97. No 4. P. 585–602.

Hugh Seton-Watson. Russian Nationalism in Historical Perspective // The Last Empire: Nationality and the Soviet Future / Robert Conquest (ed.) Stanford: Hoover Institution Press, 1986.

Uzbekistan: In for the Long Haul. International Crisis Group Asia Briefing # 45. February 2006.

Ole Waever. Securitization and Desecuritization // On. Security / Ronnie D. Lipschutz (ed.). New York: Columbia University Press, 1995. P. 46–86.

Ole Waever. Securitization and Desecuritization // Barry Buzan et al. Security: A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner Publishers, 1998.

Celeste A. Wallander. Geopolitics and Neo-Containment, as well as Common Security: Russian Views on Proliferation. PONARS Policy Memo No. 371. December 2005.

Igor Zevelev. The Redefinition of the Russian nation, International Security, and Stability // Russia in the New Century: Stability or Disorder? / Victoria Bonnell, George Breslauer (eds.). Boulder: Westview Press, 2001.

Igor Zevelev. Russian and American National Identity, Foreign Policy, and Bilateral Relations // International Politics. December 2002. Vol. 39. No 4. P. 447–465.

Периодические издания

Международная жизнь

Международные процессы

American Political Science Review

Behavioral Science

Foreign Affairs

International Politics

International Security

International Studies Quarterly

Известия

Коммерсант

Красная звезда

Московские новости

Независимая газета

Российская газета

Financial Times

The Moscow Times

The New York Times

Washington Post

Сведения об авторах

Зевелёв Игорь Александрович – доктор политических наук, руководитель представительства российского информационного агентства «РИА Новости» в Вашингтоне.

Троицкий Михаил Алексеевич – кандидат политических наук, доцент Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университета) МИД России.

Note on the Authors

Prof.Dr. Igor Zevelev – Washington Bureau Chief, "RIA Novosti" – Russian News and Information Agency.

Dr. Mikhail Troitskiy – Associate Professor, MGIMO University, Moscow.

CONTENTS

Introduction	6
Soft and Hard Power in International Relations	9
A Semiotic Perspective on Foreign Policy Studies	11
Measuring Change in Foreign Policy	17
How Much Has Russian Foreign Policy Changed since 1991?	20
How Are American Concepts and Actions Interpreted by Russia? Semiotics of American-Russian Interactions	29
Competition and Cooperation in the Post-Soviet Space	48
Conclusion	60
Selected Bibliography	63
Note on the Authors	68
Summary	70

Summary

The toolkit of semiotics proves extremely fruitful in both analyzing and conceptualizing U.S.—Russian relations since the end of the cold war. Generally, the semiotic perspective suggests that international relations can be viewed as a system of signs and foreign policy — as a meaning-making practice. Modern semioticians insist that reading a text involves relating it to relevant "codes". They refer to communication as a process that involves "encoding" and "decoding". Each state, when communicating with its counterparts in international politics (both through texts and actions), employs a particular system of codes that is not necessarily shared by message recipients. This is why interlocutors often fail to grasp the intended meaning of a message which they decode in a skewed form. Misinterpretation of each others' actions and words arising from differences in the systems of codes has been quite typical of U.S.—Russian relations during both Clinton–Yeltsin and Bush–Putin eras. It occurred in the cases of NATO enlargement, abrogation of the Anti-Ballistic Missile Treaty and Russian–American relations in the post-Soviet space.

In addition to the intended meaning, each message carries a code that the sender seeks to impose on the recipient. This allows to conceptualize attempts at changing one's counterpart's code system as a way of wielding soft power — as opposed to hard (traditional) power applied through war, economic or other sanctions, diplomatic pressure etc. Over the whole period of post-bipolar relationship with Russia, the United States sought to achieve its goals by either using hard power or "coaxing" Moscow through changing Russia's interpretative codes (soft power). The former instrument has been more tempting and ultimately proved more effective. Yet the more Washington achieved by breaking Russia's resistance by means of hard power, the smaller role there remained for American soft power (bringing Russia's decoding system in line with that the U.S.) to play in U.S.—Russian relations because of Russia's growing perception of these relations as a zero-sum game.

**В МОСКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ ИНСТИТУТЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ МИД РОССИИ
(МГИМО-УНИВЕРСИТЕТЕ)**

**ОТКРЫТО ОТДЕЛЕНИЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ**

Новое отделение является частью Факультета политологии МГИМО МИД России и готовит бакалавров и магистров политологии со специализацией по вопросам обеспечения политической безопасности бизнеса, отношениям предпринимателей и политической власти, политическим аспектам формирования экономического курса государства.

Вступительные экзамены

Проводятся письменно по географии, иностранному языку, русскому языку и литературе.

Декан Факультета политологии
доктор политических наук
А.Д. Богатуров

<http://www.mgimo.ru>

Международные процессы

Журнал теории международных отношений и мировой политики

Главный редактор
д.пол.н., профессор *А.Д. Богатуров*

«*Международные процессы*» – первый российский научный журнал, посвященный теории международных отношений и мировой политике. В журнале публикуются статьи, анализирующие новые тенденции в развитии международных отношений и мировой экономики, а также освещающие современные теоретические дискуссии по конфликтологии, международным организациям, этическому измерению внешней политики и международного права, международной безопасности, геополитике.

Журнал является независимым изданием, созданным в целях содействия научному общению между русскоязычными исследователями и преподавателями международных отношений и смежных дисциплин. Мы также стремимся помочь становлению и развитию в России школ теоретического осмысления международных отношений и мировой политики.

Среди наших авторов – сотрудники образовательных и исследовательских учреждений России, стран СНГ, Западной Европы и Северной Америки. Помимо академической аудитории, журнал распространяется среди представителей российских федеральных и региональных органов власти, включая Министерство иностранных дел и Федеральное Собрание РФ.

«Международные процессы» приглашают к сотрудничеству авторов. Объем рукописей представляемых на рассмотрение Редакционного совета, не должна превышать 40 тысяч знаков с пробелами. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся материалы, не представленные одновременно к публикации в других периодических изданиях или в составе коллективных работ.

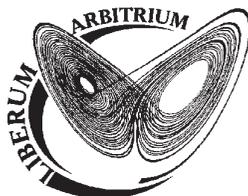
Журнал выпускается три раза в год Научно-образовательным форумом по международным отношениям при поддержке Фонда Макаруров.

ISSN 1728-2756

E-ISSN 1811-2773

Порядковый индекс журнала «Международные процессы» 46768 по каталогу агентства «Роспечать» за второе полугодие 2006 г.

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА